

A dark, atmospheric illustration of a city. In the foreground, a man with a determined expression is shown from the chest up, wearing a dark, heavy coat. He is holding the hand of another man who is crouching or falling. The background is a complex, multi-layered cityscape. On the left, a large, ornate cathedral with a golden spire and a figure in a dark, ornate robe holding a cross stands on a raised platform. To the right, a large, multi-tiered structure with a red, glowing light source is visible. The sky is dark and filled with swirling, ethereal patterns. The overall mood is dark, mysterious, and dramatic.

Алексей Топалов

Город-под-городом

Алексей Топалов
Город-под-городом

«Автор»

2026

Топалов А.

Город-под-городом / А. Топалов — «Автор», 2026

Dark-fantasy о скрытой грани реальности, известной как Дно, Шеол, Город-под-городом. Главный герой вынужден вернуться на Дно, откуда бежал несколько лет назад. Сейчас его задача - спасти своего брата, единственного человека, которого он по-настоящему ненавидит. За происходящим внимательно следят Метацерковь, криминальный синдикат демонов и жуткий Дом Грез: в отличие от главного героя им известно, что ставки куда выше, чем человеческая жизнь - под угрозой само существование реальности. Могучие силы и не подозревают, что и за ними пристально следит кто-то, выглядывающий из-за познаваемых пределов.

© Топалов А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	16
Глава 5	19
Глава 6	23
Глава 7	27
Глава 8	34
Глава 9	39
Глава 10	44
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Алексей Топалов

Город-под-городом

Глава 1

Тихие семейные радости

Кончилось лето, приехали, слазь!

Кончилась жизнь, а смерть не началась.

Но самое гнусное - взять по новой напиться...

«Паранойя», Павел Дементьев.

Алкоголь, как известно, бывает питьевой и технический. Судя по моему состоянию, вчера я пил нечто из ряда вон. Такие рецепты должны использоваться в карательной психиатрии. Я уже даже мысленно вижу, как рассказываю доброму, седоватому врачу некоторые вещи. А ведь через пару часов мне предстоит ворочать мешки с цементом, или что они там грузят в вагоны.

Я тяну руку за своим стареньким, но надежным мобильным. Если продолжать сравнение с врачом — он как раз вот тот, надежный и седоватый. Это, конечно, не легендарная Nokia, выдерживающая прямое попадание метеорита, но аппарат вполне достойный. А главное — это обычный телефон с небольшим набором дополнительных функций, а не один из новомодных «смартов», где этих самых функций столько, что мир можно захватить, если разобраться. Не люблю, когда телефон умнее меня. Впрочем, если подумать, фокус нехитрый.

Судите сами: семьи нет, жилья нет, образования нет, работы постоянной нет, девушки — даже непостоянной — нет. Сколько лет уже мотаюсь по городам и весям, как неприкаянный. Дурак? Дурак. К слову, о работе... Телефон меня опережает, выдавая начало одной полузабытой уже композиции. «Алкоголизм — не шутка!», — с надрывом выпевает Федоров. Очень актуально, согласен.

Звонит, естественно, Эндрюс. И начинает, как всегда, без приветствий.

— Старик, ты только не переживай! — Андре всегда начинает разговор так, будто случилось что-то если не смертельное, то весьма близкое к тому. — Накладочка вышла, мы тебя в список не внесли, а он уже согласован. Так что с работой сегодня — увы! За мной должок! Ну, пока!

Все это — прежде, чем я успеваю вставить хоть слово. В список они меня не внесли... Хоть бы врать поучился, да даже и у меня. Или это мы как раз с ним вчера пили, и у него отшибло память? Потому что не может человек в трезвой памяти не помнить, как два дня назад мне радостно сообщал, что протолкнул меня в список грузчиков-поденщиков, и список тот уже был согласован. При этом Адриано радостно скалился и каждые пять минут грозил мне пальцем: «За тобой должок!». А сейчас провели взаимозачет, так сказать.

Знаете, я верю в «принцип монеты». Он, конечно, как-то по-другому называется, но я это явление называю именно так. Суть его в том, что каждое событие имеет по меньшей мере две стороны, условные аверс и реверс, извините уж за банальность. Взять хотя бы этот звонок. Судите сами: деньги у меня кончаются, где их взять теперь — непонятно, а через несколько дней платить за квартиру. Хозяин, в общем-то, не сильно строгий в плане оплаты, нормальный дядька. Но когда теперь у меня появятся деньги — черт знает. Да и он не знает, скорее всего. А с другой стороны — какой сейчас из меня грузчик? Этак и сердце разорваться может, невзирая на молодые мои годы. То есть можно спокойненько поваляться в постели, или даже завалиться в ванную и дремать там в свое удовольствие. Все равно ведь уже ничего не изменишь.

И тут монета встала на ребро... Дверь распахнулась и на пороге выросла средних лет яростная фурия.

– Ты должен мне помочь!

– Черта с два! – выкрикиваю я чуть ли не в унисон, подскочив на матрасе. Потому что на пороге стоит та самая семья, которой у меня нет...

У меня есть самопримета: если потолок спальни приглянулся пауку, и в углу выросла дребезжащая от моего дыхания паутина, это – мой дом, мне здесь будет хорошо. Даже не примета – статистика. Тут была паутина, ее было много... Паук был вежлив, не появлялся никогда. Когда в дверь вломилась растрепанная женщина, я автоматически стрельнул взглядом в потолок. Только потом я осознал, что паутины там уже не было.

Маменька моя выглядит, мягко говоря, не ахти. Волосы дыбом, глаза безумные, одежда в беспорядке. И что бы это все значило? Наша маман только на выбор лака для ногтей тратит до получаса, а тут вдруг – такое явление. «Здравствуй, лошадь, я – Буденный!», – как говаривал один мой школьный приятель. Явилась, не похмелилась, не прошло и пятнадцати лет. Главное – как нашла? И как вошла? Дверь-то заперта была, такие вещи я в любом состоянии проделываю автоматически. Опыт, знаете ли...

Муттер тем временем бухается в кресло и, не спросив разрешения, закуривает. Боже, боже, что я вижу! Плебейский «Мальборо»! Нет, господа, определенно, что-то происходит. Я готов допустить, что май мом по прошествии четырнадцати с гаком лет вдруг вспомнила, что сыновей у нее двое и спонтанно соскучилась. И даже нашла меня в этих б/у-палестинах, но чтобы она курила «Мальборо»? Помилуйте, она даже это анорексичное недоразумение, именуемое «дамскими сигаретами», тянула через мундштук.

– Ты должен вернуться на *Дно*!

– **ВОН ОТСЮДА!** – рывкаю я, на этот раз даже раньше. Как хотите, а еще на слове «должен» у меня что-то кольнуло в сердце, и я понял, о чем пойдет разговор.

– Ты должен вернуться на *Дно*, – как ни в чем не бывало повторяет мать. – Адам пропал.

«Туда ему и дорога», – чуть не ляпнул я, но прикусил язык. Интересно, с чего это вдруг мамре ностра решила, что исчезновение Адама, пропади он пропадом, как-то связано с *Дном*? А главное – откуда она-то знает, что и я имею к *Дну* некоторое отношение? Вернее, имел. И повторять этот завораживающий экспириенс мне крайне не хочется. Боюсь? Нет, я не боюсь. Я почти обделался. Можете обвинять меня в трусости. Я не против. Кто знает, что такое *Дно*, меня поймет. А кто не знает – ему лучше и не знать. Во избежание казусов, подобных тому, что едва не случился со мной прямо сейчас.

– Рассказывай, – устало говорю я и тоже закуриваю. Неплохо бы еще выпить, да нечего. Кроме того, сердце мне вещует, что ясная голова вполне может стать залогом выживания.

– Несколько месяцев назад Адам связался с одной сектой...

Если редуцировать материны крокодильи слезы и прочие вздохи-всхлипы, получится примерно следующее: с полгода назад наш Адамчик начал общаться с некими весьма мутными личностями, несколько раз возвращался домой «какой-то не такой» и на все вопросы смотрел «вот этими своими глазами». Очень хорошо представляю этот взгляд. Из Адама, если он сам не захочет, черта с два что-нибудь вытянешь. Знаю, пробовал. Смотрит на тебя по-рыбьи и молчит. И хоть ты его головой об стенку колоти – без толку.

В общем, в какой-то момент мамитэ заметила, что из дома стали пропадать деньги, потом – ее драгоценности. Классика втягивания в наркозависимость, вообще-то. Сначала дают попробовать – «бесплатно», потом халява быстренько сворачивается и звучит хрестоматийное «Должно-ок!». Впрочем, что я вам рассказываю, интернет, поди, смотрите, телевизор читаете. Вот и матушка наша так решила. Подключила своих ручных ментов (хотя они ж теперь «поли-

ция». Пентов, что ли?), а те ей ровно такие же, как у Адамчика, глаза сделали: увы, мадам, сие не в нашей компетенции, танцуйте соло.

Это ей, на секундочку, глава управления по борьбе с незаконным наркооборотом заявил, слово в слово. Крута маман стала, однако. Она и раньше-то вращалась в сферах, а теперь, видимо, к генералам дверь пинком открывает, а простых полковников и вовсе зовет холопами. Не хочу я быть столбовой дворянкой... И откуда только что берется...

Но к делу. Намекнули ей, что речь идет вовсе даже и не о наркотиках, а как раз о сектантстве сатанинском, или еще каком – поди их сейчас разбери. У каждого второго — свой личный бог и свой же персональный дьявол, причем молятся обоим. Мать к другим знакомым ментам, из того самого новообретенного спецотдела, занимающегося деструктивными сектами. Там еще смешнее – они ее не узнали. Экс-холоп полковник попросил дежурного проводить гражданочку к выходу.

Вот тут-то и закрались у муттер смутные сомнения, что дело попахивает. Вовремя сообразила, добавлю от себя. Так-то у нас все в роду не то чтобы тупицы, но тугодумы, этого не отнять. И пошла наша мать честная напрямиком к экстрасенсам. Логика убийственная, я понимаю. Но позвольте заметить, что не все те сенсы, что экстра. Попадаются там сведущие люди, попадаются. Вот на одного такого она каким-то образом и набрела. Цыганская удача, в полный рост. Сведущий человек матери и поведал о новой секте чего-то-там-поклонников и посоветовал не соваться, а об Адаме забыть. Все, нет его. И не было.

И как в воду глядел – видимо, действительно, знающий товарищ был – потому что ровно на следующий день Адам исчез. Как выяснилось чуть позже, в тот же день исчез и сам товарищ.

А вот каким образом наша моме докопалась, извините за каламбур, до *Дна* и до моей к нему причастности, а также как она меня нашла, мне из нее вытянуть так и не удалось. Начала плести ахинею про каких-то старых знакомых, «серьезные контакты» и так далее. А между тем именно ради этой информации я вообще стал с ней разговаривать.

– Хочешь-то ты от меня чего, золотая рыбка? – спрашиваю, затягиваясь неведомо какой уже по счету сигаретой.

– Найди Адама. Верни его.

– Ну, это я и сам дедуктивно допетрил. Каких конкретно действий вы от меня ожидаете, голубушка?

Вот тут она растерялась. Да и вы бы растерялись, назови вас ваш же единоутробный сын голубушкой.

– Ну... Я не знаю... Ты же там был, у тебя там должны были остаться связи...

– Мадам, – говорю. – Последнюю пятилетку я занимался исключительно тем, что избавлялся от этих связей, пытался спрятаться подальше и забыть все как страшный сон. И тут являетесь вы в волшебном сиянии и этак запросто предлагаете мне вернуться на *Дно*?

– А ты никогда не думала, – срываюсь на крик. – Почему *Дно* называют именно *Дном*?! Вспомнила, б...ь, про сына через пятнадцать лет специально, чтобы его с гарантией угробить!

– Чего ты хочешь?! Денег?!

– Я. Хочу. Чтобы. Ты. Исчезла. Из. Моей. Жизни. На. Все. Гда. – выравниваем дыхание, успокаиваемся. – Уж извини за пошлый киноштамп. А деньги раздай нищим. Пусть едят пирожные.

Мать прищуривается. Нехорошо так прищуривается, прицельно. Не глаза, а бронешели.

– Или ты возвращаешься на *Дно* и находишь Адама, или я сдаю тебя «вичам».

Так вот, значит, откуда ноги растут. «Вичи», если кто не знает, это не общество друзей СПИДа. Это инквизиция. Вичхантеры, охотники на ведьм. То есть именуется-то они официально как-то иначе, очередной спецотдел по борьбе с борьбой, или что-то в этом роде. Но сути дела это не меняет. Вот они-то как раз вплотную занимаются *Дном*. Да чтоб тебя! Говорят, что половина «вичей» – сами выходцы с *Дна*! Эти и меня наверняка знают, и отыскать могли.

Интересно, где это маза с ними стакнулась? Вопросы, вопросы...И ответов, что характерно, не предвидится.

– И сына родного не пожалеешь? – щурюсь ничуть не хуже нее.

– Ты же брата пожалеть не хочешь.

Вот оно. Слово сказано. Брат. До сих пор в разговоре мы оба как-то старались это слово не упоминать. Брат. Единственный человек, которого я по-настоящему ненавижу.

Тянусь за сигаретой, но пачка пуста. Вот теперь точно нужно выпить, хоть той дряни, что глотали вчера, но нет и ее. В голове прокручивается пара интересных сюжетов: вот я беру тяжелую чугунную пепельницу, доставшуюся мне в наследство от прошлых жильцов, и, лаская матушку любящим взором, отовариваю ее по темечку. Дальше – ночь, окровавленный мешок, я, демонически смеясь, по частям скармливаю маменьку бродячим псам.

Или: я предлагаю выпить чаю, на кухне капаю в чашку из фамильного перстня сразу три капли концентрированной желчи виверны, смешанной с пентатоксином и, ослепительно улыбаясь, предлагаю самому близкому человеку на свете. Правда, перстня у меня нет, да и виверновой желчи тоже, так что придется обойтись крысиным ядом – его я видел в шкафчике под раковиной. Далее по схеме: демонический смех, фрагменты тела, но вместо собак чан с негашеной известью.

Спокойно, спокойно... Она не могла не предусмотреть этот вариант.

– А ты не боишься, что я тебя – прямо здесь? В порядке общей самозащиты, так сказать?

– Тебе же хуже. Данные на тебя лежат у надежного человека. Пока нескрытые. Зато если я вдруг исчезну или погибну, он получит код к данным, и они будут опубликованы. Все официально, заверено нотариусом.

И улыбается этак паскудненько, змея. Все предусмотрела. И ведь не иначе, это ей «вичи» присоветовали, сама бы не додумалась. Тем более, что из дома я бежал запуганным до нервного тика подростком, а отнюдь не хладнокровным убийцей матерей.

– Оч-чень интересно, – говорю. – А если на тебя кирпич упадет? Или несвежее бланманже изволите откусать?

– Не судьба, значит, – разводит руками, а сама все так же гаденько улыбается. – Да ты не дрейфь, там люди серьезные, разберутся. Лишнего на тебя не повесят.

Мне и того, что мое, родное, с двумя головами хватит, если докопаются. А эти докопаются. Неужели придется возвращаться на *Дно*? Как говорят персонажи приключенческих романов, есть и менее экзотические способы самоубийства. Может, безопаснее самому сдать «вичам»? Лучше у них, чем возвращаться туда. Здесь хоть какой-то шанс есть. И опять же – *Дно* не под юрисдикцией Поверхности. Ха! Кого это когда волновало... Нет, даже если добрейшие инквизиторы меня и не порешат, то мозги вывернут наизнанку со всем прилежанием, есть способы. Правда, после них остаешься полным кретином. Так что, получается, лучше на *Дно*. В крайнем случае попробую там залечь. И вновь искрометный каламбур. Три раза «ха».

– Средствами и всем необходимым я тебя обеспечу, – говорит меж тем муттер.

И называет сумму. Таковую, что если бы я не сидел, обязательно хлопнулся бы на задницу. На эти деньги можно купить небольшое государство. Врет. Не может у нее быть *таких* денег.

– Перевожу на твой счет прямо сейчас, – добивает она. – И имей в виду, если ты попытаешься скрыться, тебя и со *Дна* достанут, ха-ха!

Надо же, мамми тоже любит каламбуры, кто бы мог подумать.

– А Адама они так же достать не могут?

– Не могут. Вообще... я не уверена... но, судя по всему, это можешь сделать только ты.

– Откуда такие догадки, Эркюль?

– Обмолвки, недосказанности... Я сама толком ничего не знаю, хочешь верь, хочешь не верь. Итак, твое слово?

– «Мы принимаем бой!», – кричали они», – бодро говорю я, хотя на душе пакостно-препакостно.

Вот он опять, «принцип монеты» в действии. Денег у меня теперь – двадцать птицефабрик не склюет. Только потратить их в свое удовольствие я вряд ли смогу, мертвецам деньги без надобности. С другой стороны, некоторые обитатели *Дна* являют собой опровержение последнего тезиса.

Глава 2

Каким будет завтрашнее Дно?

«Прощай, Мишутка!»

гр. «АукцЫон»

Так и получилось, что вопреки собственной воле я был вынужден вернуться туда, куда поклялся не совать носа. Но для начала следовало подготовиться. Я сделал несколько звонков, отправил пару электронных писем и начал собирать вещи. Так или иначе придется ехать в столицу, там находится единственный известный мне переход на *Дно*, хотя есть и другие, множество их. Возможно, некоторые располагаются здесь, совсем рядом со мной. Но не к «вичам» же обращаться: не проводите, дескать?

Мать обещала меня полностью экипировать. В ее представлении, видимо, поход на *Дно* – это нечто сродни спецоперации против колумбийских наркобаронов. Набрал людей, закупил экипировку, обрисовал задачу и сиди, пей джус. Экипировка! Ха! Мне известно о нескольких попытках вооруженного прорыва на *Дно* с Поверхности. Когда это была чья-то частная инициатива, прорывавшиеся быстро и незатейливо исчезали. Зато если прорыв начинался по приказу властей того или иного государства – о, все становилось гораздо интереснее. Половина техники на *Дне* внезапно просто переставала работать. Вторая половина работала так, что лучше бы не работала: например, снайпер мог запросто послать пулю самому себе в спину. А третья половина (и это не оговорка!) вдруг обретала душу и сознание. По *Дну*, наверное, до сих пор ходит история про спецназовца, которому собственный автомат заявил: «Босс, я пустой! Рвем когти!». Как правило, какой-то части агрессоров давали возможность уйти. Большинство из них, правда, к этому моменту могли похвастаться первозданной чистотой разума, свойственной новорожденным и клиническим идиотам.

И такой подход со стороны обитателей *Дна* глубоко и исключительно верен. Давление на психику – раз. Причем – не только непосредственным участникам вторжения. Создание предпосылок к образованию информационного вакуума – два. Ни одно правительство не станет афишировать такие курьезы. И, кстати, зря. Если бы всего лишь пять-шесть стран объединились, обменялись опытом, у них был бы реальный шанс захватить *Дно*, устроив массированную атаку. *Доншиков* элементарно меньше. На много, много порядков меньше. Их бы просто завалили трупам.

И если я не хочу стать подобным трупом, экипироваться мне все-таки придется. Только совсем не так, как это видится маменьке. Впрочем, на Поверхности ее деньги – она действительно сразу перевела почти всю сумму (и счет ведь вычислили, стоило менять имя и документы!), присовокупив несколько пачек наличных – могут сослужить мне хорошую службу, тогда как на *Дне* они имеют ценность разве что в глазах коллекционеров.

В первую очередь я направляюсь в павильон, где торгуют обувью. Хвала всем богам, в этих Нижних Гнилозубовках, где настиг меня рок в лице обожаемой матушки, вполне приличный для провинции шопинг (какое все же мерзкое слово). Обувь – первейшее дело в каждом походе, спросите любого путешественника. Хорошо бы, конечно, чтоб она была еще и разношена, но тут уж выбирать не приходится. Главное даже не в том, что новая обувь как те чужие сапоги из песни будет натирать ноги – на этот случай я всегда беру на полразмера больше, – а в том, что у каждого, как это ни банально звучит, свои собственные ноги, под которые со временем обувь подлаживается. Кто-то косолапит, у кого-то основная нагрузка на внешнюю часть стопы идет, у кого-то – наоборот. Еще у кого-то вообще одна нога короче другой. Вот и стачиваются ботиночки в полном соответствии с манерой ходьбы своего хозяина. А в новых будет неудобно. Но не в кроссовках же тащиться на *Дно*, или в зимних сапогах?

Брожу по рядам долго, ломаными кругами – такова неевклидова геометрия наших рынков. Выбираю основательно. И все-таки останавливаюсь на военных «берцах», с самого начала бывших моими фаворитами. При всех их очевидных недостатках, достоинства перевешивают. Ага, демисезонный вариант с дополнительной защитой сустава, стальными «стаканами» в носках и клапаном на липучках, прикрывающим голень. Между прочим, вполне может спасти от перелома, если треснут по ногам чем-нибудь тяжелым. Подошва, правда, резиновая, что не очень хорошо. Вступишь в какую-нибудь едкую дрянь, резина и «поплывет». Хотя на улицах *Дна* такое порой разливают – и титановые сапоги расплавятся. Вы думаете, где канонический сказочный герой сносил семь пар стальных башмаков? То-то и оно.

Так, теперь мне нужна трость. Скрытые клинки, а то и пистолеты – это все для незрелых умов. «И тут боец вспомнил, что в кармане у него винтовка». То есть, наверное, бывают ситуации, когда и шпага в трости может пригодиться, но это не мой случай. Мне нужна самая обычная крепкая палка с тяжелым набалдашником. Хорошую трость надо заказывать заранее, у проверенного мастера, под свою руку и свой рост, но кто же знал, что все так обернется. В крайнем случае можно было бы и купить через интернет, но времени нет даже на это. Там ведь тоже потребуют мерки. С тростями, в отличие от обуви, в Старых Запедеевках обстоит из рук вон. Значит, с этим придется подождать до столицы. Цены там, правда... На этом месте я себя одергиваю. Денег у меня теперь столько, что при желании я могу купить трость из калифорния с бриллиантом Golden Jubilee в качестве навершия. Неплохо было бы с такой тросточкой сплести степ на крыше небоскреба... Правда, калифорний, кажется, радиоактивен, так что степ может оказаться пляской на собственном гробу. Спокойно, старик, спокойно, это истерика...

Дома я продолжаю приготовления. Одежда вполне подойдет и повседневная: свободные джинсы, темная куртка, толстовка с капюшоном. Перчатки. Обычно я их не ношу даже зимой, но здесь случай особый, так что наш выбор – беспальные перчатки с укрепленными «костяшками» и «ладонью».

А вот теперь начинается настоящая подготовка. В манжету левого рукава куртки аккуратно ввожу три самые обычные иглы. В нагрудный карман прячу контейнер с контактными линзами – не самыми обычными. И наконец главное – монета. Серебряный канадский доллар с изображением какого-то зверя из породы кошачьих. Эту монету мне подарила когда-то подруга. Доллар вряд ли волшебный, но я считаю его своим талисманом. Кроме того, однажды на монету попала капля моей крови, а это может сыграть самую неожиданную роль в любой ситуации. Ну и в конце концов серебро попросту полезно носить с собой в местах, подобных *Дну*. Разумеется, по тамошним улицам не слоняются шайки вампиров и оборотней, задирая прохожих и приставая к девушкам. Но серебро – само по себе металл непростой. И лечат им, и освящают им же, и даже едят его. Здесь мы вновь сталкиваемся с «принципом монеты» (ха-ха). Не будем забывать, что некий уроженец города Кариота, которого никогда не было, оплату за свою прогремевшую в веках торговую сделку получил именно серебряниками.

Финальный штрих - «режик», ноутбук и документы. Если при слове «режик» вы вообразили себе нож Боуи или какой-нибудь отравленный вакидзаси, то спешу вас разочаровать – это все туда же, к адептам потаенных клинков. Мой «режик» – обычный мультитул, помимо прочего включающий в себя небольшое лезвие. В первую очередь – это инструмент. И стоит он, между прочим, подороже иного вакидзаси. Что касается документов, то на *Дне* они, разумеется, не нужны. Более того, если твое изображение (например, фото в паспорте) попадет не в те руки, можно сразу заказывать по себе поминки и не торопясь, с достоинством укладываться в гроб. А вот на Поверхности документы могут пригодиться. Без них вся эта авантюра может закончиться на первом же полицейском. Ну а ноут – он везде ноут. В крайнем случае им можно кого-нибудь по темечку угостить.

Ах да, нужно еще позвонить Семенычу и перевести ему деньги за квартиру с запасом на три месяца, пусть мужик порадует. Возвращаться, правда, я сюда в любом случае не соби-

раюсь. Если каким-то невероятным чудом мне удастся уцелеть – а это самое лучшее, на что я могу рассчитывать, Адама, скорее всего, уже нет в живых – пусть меня поджидают тут. Ну а если дело не выгорит, то и возвращаться будет некому.

Самолетом от Красных червей, где я свил было себе гнездо, до столицы добираться дольше, чем поездом. Один из неисчислимых парадоксов нашей страны. Ближайший аэропорт – в трех часах езды и поди еще с рейсом угадай. Поездом – шесть часов, на машине – четыре. Но поезд, в отличие от автомобиля, не склонен стоять в пробках, так что четыре «машинных» часа – это только в идеальном мире. Ergo, я еду на поезде, тем более, что давно не пользовался железной дорогой. Как хотите, а есть в ней какая-то магия. Но чем современнее становятся поезда, тем меньше этой магии остается. Электрический конь идет на смену паровой лошадке... Только души у этого коня нет и не было, а вместо сердца – пламенный мотор.

Гулять так гулять! И я покупаю билеты в спальный вагон. Шикану! «Напоследок», – липко шепчет кто-то внутри моей головы. Мерзкий шепот звучит так отчетливо, так *не по моему*, что я вздрагиваю. Вокзальный полицейский внимательно на меня смотрит. Еще бы, стоял-стоял себе человек и вдруг исполнил упражнение «прыжок в высоту на месте». Хорошо если экстремальная эпилепсия, а ну как наркоман?

Возможно, «первый же полицейский» случился бы со мной прямо сейчас, но тут как раз подошел поезд. Я заскакиваю в вагон и намереваюсь тем же манером оказаться в купе, однако здесь меня ждет сюрприз и не сказать, что приятный. В моем купе уже сидит, да еще и курит некий гражданин общего вида. Я на всякий случай смотрю на номер. Тусклая, потертая латунь цифр подтверждает, что купе мое.

– Уважаемый, – говорю. – А вы, часом, купе не ошиблись? Сдается мне, эти номера записаны за мной.

И билет ему показываю. Дяденька долго смотрит на билет, потом на меня. И нет в его взгляде ни смущения, ни злобы, вообще ничего нет. Это даже не Адамчик с его фирменным «буль-буль» в глазах. У этого глаза, как у деревянной куклы. Тело сделали, а душу вложить забыли. А вместо сердца, опять же...

– Прошу меня извинить. Я, часом, купе ошибся.

И уходит. Если бы он не говорил тем же, деревянным, голосом, я бы подумал, что надо мной не слишком изощренно издеваются. Ч-черт... Голем, что ли? Похоже, так. Их вообще-то много по Поверхности бродит, и в качестве шпионов, и самих по себе. Но не настолько же много, чтобы на каждом шагу попадаться! И как только я собрался вернуться на *Дно*, один из големов тут же оказывается в моем купе. По чистой случайности, разумеется. Ну да, ну да, так оно все и было, товарищ следователь. Только вот что – оно? Некто вынес мне предупреждение, давая понять, что каждый мой шаг известен, взвешен и исчислен? Странное какое-то предупреждение... Обычно в таких случаях ломают мизинец, или как минимум угрожают. Но вот если предположить, что это предупреждение не от врага, а от друга... Легче от этого не становится, ибо означать оно может лишь то же самое: за каждым моим шагом следят. Несколько утешает тот факт, что у меня есть неизвестный друг, или по меньшей мере кто-то, чьи интересы на данном этапе явно совпадают с моими.

Я закрываю дверь, причем не просто на внутренний дверной замок, а еще и на спецзапор, о котором мало кто знает, кроме проводников. Я бы и полотенце привязал, будь в купе к чему его привязывать. Для гарантии поставим «свистопляс». Я вынимаю из контейнера зеленую линзу и прилепляю ее над косяком. Задержать она даже обычного человека не задержит, но если к купе приблизится кто-то, чей эмоциональный фон будет окрашен в цвета угрозы, завершит так, что в Долине Царей фараоны повыпрыгивают из гробниц. Очевидный недостаток такой сигнализации в том, что под ее воздействие неминуемо попадаю и я сам. Но тут уж выбирать не приходится.

Поезд трогается. Я прислоняюсь головой к стеклу и задумываюсь, вертя в пальцах незажженную сигарету. Каким стало *Дно* сегодня? Как оно встретит меня? *Дно*, откуда я бежал пять лет назад, спасая свою жизнь.

Глава 3

О, Дно одно

Славные сцены, немое кино.

Я опускаюсь на самое дно.

Ах, что за радость - снизу кто-то стучится!

«Паранойя», Павел Дементьев

Дно – явление уникальное, и хвала за это всем разномастным силам. Никто толком не знает, как и когда оно возникло, но все сходятся во мнении, что произошло это задолго до появления на Земле человека. На каком основании делаются такие выводы, мне лично абсолютно непонятно. Я, к примеру, считаю наркотическим бредом теории некоторых академиков по поводу новой хронологии, но вычлению из этого бреда рациональное зерно, суть которого в том, что *никто точно не знает, что было раньше*. И пока не станут доступны путешествия во времени, не узнает. С другой стороны, нельзя исключать, что как раз на *Дне* кто-то путешествовать во времени таки умеет.

Дно. Город-под-городом. Шеол. Как его только не называют. Это, конечно, не Преисподняя в традиционном представлении человеков. Хотя есть тут и свои дьяволы, и свои боги. Не те, которых изобретает для себя тот самый пресловутый каждый второй, а вполне материальные или по крайней мере *ощутимые* сущности.

Дно – не Преисподняя, но устроено в некотором смысле наподобие Ада а-ля Данте. Этакий слоеный пирог с не поддающимся подсчету количеством слоев. Во всяком случае, так себе представляю географию *Дна* я и большинство моих тамошних знакомых. В теории, попасть сюда может каждый, особенно если в его жилах присутствует хоть малая частица нечеловеческой крови. Многие мистики с Поверхности, медитируя, путешествуют по *Дну*, полагая, что исследуют слои астрала. Да что говорить, я сам впервые узрел Город-под-городом, когда по юношеской глупости обкурился какой-то дрянью. Как я понимаю, важную роль играет именно измененное состояние сознания. Говорят, что по-настоящему верующие люди в молитвенном трансе также способны увидеть *Дно*. Я им в таком случае не завидую. Веруешь в бога милосердного, рай, вот это все, ведешь праведный с точки зрения твоей религии образ жизни, молишься... А тебе в божественном откровении является такое рыло, каких даже в голливудских ужастиках не показывают.

Между прочим, в Шеоле действительно запросто можно встретить на улице какого-нибудь дракона, ко всему еще и говорящего. И легко может оказаться, что он на пару тысяч лет старше твоей религии. На *Дне* вообще кого угодно можно встретить. Забытые идолы, остатки древних дочеловеческих рас, персонифицированные понятия, застрявшие в нашей реальности путешественники между мирами и так далее.

Один романтик назвал *Дно* Вокзалом потерянных снов. Романтики – странный народ, и не знаю, как насчет потерянных снов, но с вокзалом попадание получилось стопроцентным. Это именно вокзал. Перекресток. Проходной двор. Знаете, как бывает – на пересечении торговых путей кто-то предприимчивый строит трактир. «Ага...», – думают другие, и через месяц рядом с трактиром возникает бордель, подле него баня, а неподалеку – «Макдональдс», свалка и поле для гольфа. Через год на перекрестке уже небольшой городок. Потом откуда ни возьмись появляются какие-то власти, сборщики податей, стражи порядка и так далее.

Приблизительно так все происходило и на *Дне*. Потом туда начали стекаться изгой всех видов и сортов, авантюристы, просто бродяги и нищие, которым нигде больше не было места. Ну и всевозможные преступники, маньяки и прочий «криминальный элемент», как человеческий, так и нечеловеческий, куда ж без него. В недавнем нашем умозрительном примере были

некие власти, так вот *Дно* привлекательно как раз тем, что там *нет* законов. Вообще. Кто сильнее, тот и прав. Сами понимаете, тут вновь вступает в действие «принцип монеты», который, признаться, мне и самому уже изрядно поднадоел.

На *Дне* ты можешь встретить ангела и продать душу дьяволу. Могут исполниться самые заветные твои мечты и воплотиться самые жуткие кошмары. Нередко это оказывается одним и тем же. Вы наверняка слышали ту странную легенду про знаменитого игрока в кости, который всегда выигрывал в последний момент. Очень уж ему этот «последний момент» не нравился, все он нервничал, не верил в свою удачу. И тогда он вызвал на состязание бога. Вот это, кстати, первая странность – по канону в таких случаях полагается состязаться с чертом.

Игрок – как обычно, в последний момент – бога обыграл, и тот сказал ему: проси, дескать, чего твоя душенька желает. Тот и пожелал, чтоб его кости всегда показывали шестерки. Тоже, если подумать, желание глупое – кто с таким играть сядет? Побьют скорее, как нечистого на руку. Но бог на такие мелочи внимания не обращал, исполнил все как заказывали: аккуратно вычленил кости игрока из его тела, что-то там по-божески пошаманил и вуаля! Получился в итоге отличный набор дайсов, артефакт на удачу. Падали эти костяшки всегда строго шестерками вверх, не подкопаешься. Только вместо точек на них были глаза, так как внутри была заключена душа незадачливого игрока. Душа у него, видимо, была паучья, коли уж глаз стало шесть.

Хорошая легенда, правда? Поучительная. «Бойтесь своих желаний» и все в том же духе. Штука в том, что это не легенда. Во всяком случае, не совсем. Мне как-то раз даже показывали те костяшки, зрелище незабываемое, поверьте. Особенно если в глаза заглянуть.

Интересна здесь фигура бога, который поступил, скорее, как его извечный антагонист. И опять получается, что бог и черт суть две стороны одного явления. Впрочем, многие теологи давно об этом твердят. Но я к тому, что «принцип монеты» в Шеоле может вывернуться самым непредсказуемым образом. Монета может не только упасть аверсом или реверсом, или встать на ребро, она может зависнуть в воздухе, улететь зимовать на Юг, написать диссертацию «Влияние абразивного воздействия шерстяного покрова *Ursus maritimus* на угол наклона земной оси»... ну или по-простому убить вас.

Надеюсь, стало немного понятнее, почему меня столь воодушевила перспектива вернуться в Город-под-городом.

Глава 4

Стол лица

*Знают зеркала, в чем моя беда
Не смотрю я в них большие никогда
«Маска», гр. «Король и Шут»*

London is a capital of Great Britain... Фраза, для моего поколения прочно ассоциирующаяся с лимоном, настолько она набила оскомину. В Лондоне я побывать за всю жизнь так и не удосужился, а вот по нашей столице меня в свое время помотало изрядно. И *Дно* – отнюдь не самое неприятное, что может поджидать легкомысленного странника в этом городе.

Явление, безусловно, уникальное. Меня всегда сместили люди, рассказывающие о *другой* столице всякие байки из серии: ах, она построена на могильниках, с этим связана «гнетущая черная энергетика» (говорится обязательно с придыханием) и т. д. и т. п. Готическая, дескать, у нас вторая столица, прямо-таки Логово Тьмы. Людям почему-то не приходит в голову, что *каждый* город, история которого насчитывает несколько сотен лет, так или иначе стоит на могильниках.

Хотя энергетика у столиц действительно разная, здесь я спорить не буду. И тот город, куда я только что прибыл, гораздо страшнее. Это как в старых ужастиках – всегда больше пугают не медленно бредущие зомби, а реактивные мертвецы, носящиеся со скоростью хорошего автомобиля. Шагающие трупы – вещь, безусловно, визуально неприятная, так как *мертвец ходить не должен*, – не так страшны. Но покойники-спринтеры когнитивный диссонанс усиливают в разы. Помню, видел в детстве какую-то передачу по Империял-ТВ, там детишкам объясняли разницу между просто клоуном и клоуном-буфф, буффомом. И костюм-то у буффона ярче, и грим-то абсурднее, и ботинки – как ласты. Гротеск, короче. Доведение до абсурда. Вот и в действующей столице живые покойники куда гротескнее, чем во *второй*. Чем и пугают.

На Севере мертвецов полно, но там они лежат себе тихонечко, разве что иногда встают кровушки людской попить. А здесь... здесь даже нет ощущения города, а есть ощущение большой, закольцованной паутины, по которой в одном им понятном, изломанном ритме носятся трупы, считающие себя живыми.

Одно радует – надолго я здесь не задержусь. Тут я спохватываюсь: нашел чему радоваться. «От голода мы не умрем, потому что завтра нас расстреляют». Нет, с такими мыслями меня и расстреливать не придется, сам себя в могилу загоню. Прочь туга-печаль, пора подумать о делах. В первую очередь я направляюсь в заведение, адрес которого нашел в интернете. Называется оно, ни много ни мало, «Трость инка». Видимо, игра слов, кто-то хотел показать себя оригиналом, но, на мой взгляд, получилось весьма глупо. Да, я сноб.

Добираюсь на метро – во-первых, там легче затеряться, если за мной кто-то идет (а в этом я уверен), а во-вторых – подземка глушит почти все виды волн, которые могут быть использованы для слежки, включая такие, о которых не подозревают даже вичхантеры.

«Трость инка» не обманула моих опасений – из витрины небольшой галереи, затерявшейся где-то на южных окраинах столицы, на меня надменно взирает вооруженный стволоподобной тростью манекен в ворбоннете племени шайеннов. И буквы на вывеске какие-то... вызывающие. Как бывает на визитных карточках нуворишей, в принципе не знакомых с понятием стиля. Может, я все-таки зря сюда пришел? Не похоже, что здесь работают серьезные люди, продающие серьезные вещи.

Однако не уходит же теперь, даже не заглянув внутрь. Дверь звякает мешанскими колокольчиками (ну конечно!), и я вхожу. Внутри все неожиданно оказывается совсем не так плохо,

как я опасался. Да, на стенах развешено порядком всяческой дешевки, причем почему-то чуть ли не к каждой трости прилагается шляпа. Надо полагать, хозяева магазина считают это высшим шиком. В таком случае не стоило ограничиваться котелками и цилиндрами, где штиблеты и лайковые перчатки?

Но при этом то здесь, то там среди откровенного китча расставлены и развешены *настоящие* трости. Это произвело на меня впечатление, магазинчик явно не так прост, как хочет казаться. Еще большее впечатление на меня произвел продавец, немолодой мужик, не сказавший ни слова с того момента, как я зашел в помещение. Он лишь суховаато кивнул мне при входе, и далее я постоянно чувствовал на себе его внимательный взгляд. И, что характерно, он не стоит за стойкой, а сидит за небольшим полированным столиком. А ну-ка мы его проверим...

– Заверните вот эту! Шляпу не надо! – и я указываю на откровенно посредственную трость, даром, что производства известной фирмы, в связи с чем – запредельно дорогую.

– Это довольно среднего качества *изделие*, – спокойно говорит продавец, но в глазах у него я читаю то самое хрестоматийное «деш-шевка». Причем относится это определение не к трости. – Осмелюсь предложить вам более качественный вариант – во-он то *изделие*. К тому же, оно обойдется вам заметно дешевле.

Попался, красавец! Это не продавец, и даже не владелец магазина, иначе не стал бы предлагать более дешевую трость. Судя по тому, как он привычно именуется свой товар «изделиями», – это мастер. Последняя проверка. Беру в руки одну из лучших, по моей оценке, тростей в этом магазинчике и задумчиво, со знанием дела оглядываю. Мастер в это время так же задумчиво разглядывает меня. И молчит, чем еще больше повышает градус моего к нему уважения. Большинство людей на его месте не преминули бы заметить что-то вроде «сразу видно знатока».

Я вдруг осознаю, что мужчина за столиком действительно напоминает какого-нибудь Атагуальпу. Не чертами лица – некой величественной отстраненностью. И тут же понимаю, что смотрю я не на него, а на его отражение в полированной столешнице.

– Вы ведь не за покупкой сюда пришли? – вдруг произносит Великий Инка.

С самого начала я пришел именно чтобы купить трость, так как времени не столь уж много. Но теперь...

– Я бы хотел сделать частный заказ. Срочный. Цену можете назвать сами, – несколько высокомерно отвечаю я, подойдя к столу. Краем глаза я замечаю, что у моего отражения в лакированной поверхности нет лица.

Цену мастер, надо сказать, заломил, не постеснявшись. Не калифорниевая трость, конечно, но не слишком далеко от нее. Зато обещал исполнить работу всего за два дня, а учитывая мое нынешнее финансовое положение, торговаться было как-то даже и неприлично. После того, как мы договорились, он закрыл магазинчик и повел меня в примерочную. Кстати, это оказался и не магазин даже, а гибрид выставочной витрины, полноценной мастерской и ателье. Без примерочной в таком заведении было никак не обойтись и меня измеряли от и до. Длина рук и ног, ширина плеч, угол плеча, размер стопы, даже зачем-то объем бицепса, мускульные усилия при сгибе локтя и диаметр головы. Я чувствовал себя как свеженький, с пылу - с жару, покойник, которого плотники обмеряют для изготовления гроба.

В процессе выяснилось, что руки у меня разной длины. Оказалось, это важно с точки зрения того, под какую руку делать трость. Я-то был уверен, что руки у меня одинаковые (и владею я ими, кстати, равно хорошо – развитая амбидекстрия, коей я немало горжусь). Но вот поди ж ты... Тут я вспомнил свою же рассуждения об обуви и разных ногах. Оказывается, с руками то же самое. Никогда не задумывался.

Итак, трость будет готова через пару дней. А пока мне нужно найти жилье и заняться другими, не менее важными делами. С жильем все просто – мне нужен хостел, опять же из соображений конспирации. Хотя я был уверен, что мои дилетантские попытки не сойдут со

следа тех, кто по нему идет. В любом случае, мне нужно было только место для ночлега, да и то сомневаюсь, что проспать удастся больше четырех-пяти часов, слишком многое нужно прояснить, прежде чем отправляться на *Дно*.

Глава 5

Ненастоящий полковник

*Капитаны пьют вино,
Корабли идут на дно.
Все хорошо.
Все хорошо!
«Все хорошо!», гр. «Пикник»*

Устроился я, как и собирался, в небольшом хостеле неподалеку от центра столицы. И даже здесь первыми меня встретили не номинальные владельцы недвижимости, а истинные ее хозяева – тараканы. А казалось бы – район престижный, цены кусаются не хуже амазонских пираний. Ловлю себя на том, что постоянно думаю о дороговизне того или сего. Так не годится, пора избавляться от этого въевшегося в кости комплекса бедняка.

Расплатившись и получив ключ, поднимаюсь «в номера». В целом, если не брать в расчет тараканов и устоявшийся запах вареных тряпок, мое временное обиталище даже можно назвать уютным. В том смысле, что пострадать от агорафобии здесь не получится даже при желании – комната больше всего напоминает мой старый школьный пенал. Помните, были такие, в которых даже трем карандашам было тесно.

Большую часть помещения занимает кровать, куда я осторожно присаживаюсь. Покачавшись для надежности, понимаю, что одр, вероятнее всего, подо мной не развалится и бухаюсь уже целиком, не снимая ботинок. Вот так и приобретаются хамские привычки нуворишей...

Первым делом мне нужно поднять оставшиеся связи здесь, на Поверхности. Учтывая, насколько усердно я их обрывал, дело может оказаться непростым. Я пробегаюсь по нескольким сайтам deepdarknet-а, но не нахожу никаких «сигналок». Пароли и прочие кодовые слова за столь долгий срок, конечно, могли – да и должны были – измениться, но я не нахожу *ничего*. Вообще. Полное ощущение, что никогда не было ни страниц, связанных с *Дном*, ни личностей, связанных с этими страницами.

Попробуем позвонить по телефонам, которые, разумеется, в память мобильного не занесены – моя собственная память гораздо надежнее и несанкционированно извлечь из нее информацию значительно сложнее, чем из телефона. Я набираю несколько номеров, но подсознательно уже понимаю, что ответом мне будет только тишина. Так оно и происходит: не то что гудков, нет даже сообщения пластмассовым голосом: мол, абонент отключен или недоступен. И вдруг...

– Валерка, паскудник! – весело ревет трубка так, что я чуть не роняю ее. – Ты куда пропал, сюткин сын, когда спиннинги вернешь уже?!

– Так я ж в деревне был, дядь Лень, – вовремя соображаю я. – Только вот вернулись с Таткой. Спиннинги хоть сейчас могу занести.

– Не угробил хоть?

– Обижаете, дядь Лень, у меня как аптеке. А я вам бутылочку деревенского эликсира привез!

– Бутылочку? – с сомнением спрашивает трубка.

– Полтора литра! – отвечаю самодовольно.

– Дело! Прямо сейчас, говоришь, можешь подвезти? Вместе со спиннингами, хе-хе... Давай тогда через часика полтора на нашем месте, а то сколопендра моя не даст спокойно посидеть.

– Оллрайт, дядь Лень, через полтора часа как штык!

Ошалело плююсь на трубку, хотя она давно уже замолчала. Спиннинги, м-м-мать...

Показуха «на дурачка», конечно. Два не слишком интеллектуально отягощенных гегемона, старый и малый, обсуждают выпивку и рыбалку. Интересно, кого мы пытаемся обмануть?

Та-ак... Спиннинг в столице купить не проблема, даже за те сорок минут, что мне остаются с учетом дороги до «нашего места». А вот где взять самогон? Дернул меня черт ляпнуть... Ох, тупею... Какой, к Дагону, самогон? Быстро в ближайший шоп, взять «полторашку» минералки, укрывшись от прохожих мелко покрошить в нее предусмотрительно захваченное мыло. Увидев, что получилось, я сперва хотел вернуться и вылить благородный напиток в унитаз или раковину, а затем набрать в пластиковую бутылку водопроводной воды, но стало жаль тараканов, обитающих в хостеле, – потравятся же. Кроме того – время. Так что – пробку обернуть тряпкой, получается кондовый «виладж-дринк».

В том же турборежиме купить в Центре пару спиннингов, благо «охотниче-рыбальчатых» магазинов развелось – хоть взрывай. Между прочим, насколько мне известно, на пенсии «дядь Ленья» действительно увлекается рыбалкой, и у него на самом деле есть какой-то дальний родственник Валерка, которого, впрочем, никто никогда не видел.

Кажется, я уже взмок. Теперь надо решить важный вопрос – еду я на встречу на метро, или ловлю машину? Под землей безопаснее и нет пробок, этого проклятия современных мегаполисов. Но там же меня могут остановить на предмет «а что это у вас такое в сумочке, вы не террорист, часом?». Выглядит-то минералка теперь как ядреная бормотуха, но ведь аргусы и отведать сперва из моего кубка не побрезгуют. Время! Чертыхаясь, прыгаю в метро и еду, распугивая спиннингами окружающих.

Столичное метро – удивительное место. Вполне самоценный город контрастов, куда там Нью-Йорку. Именно метро служит одной из главных лакмусовых бумажек для определения общего состояния дел на поверхности. Именно там появляются первые попрошайки, бомжи и торговцы, свидетельствующие о том, что экономика опять балансирует на краю котла со смолой (я сознательно не упоминаю хрестоматийную фразу «экономика достигла дна», в моей нынешней ситуации шутка вышла бы дурная).

Про людей в метро я даже говорить ничего не буду, вы все сами знаете. Хотя нет, расскажу кое-что. Однажды я был свидетелем того, как какой-то парень – трезвый, что характерно – проехал несколько станций вися вверх ногами. Ноги он зацепил на противоположные поручни и раскачивался вдоль прохода как маятник, или, если угодно, Бэтмэн. Если он хотел привлечь внимание других пассажиров, то это ему не удалось. Никто даже ухом не повел.

В другой раз пять-шесть мужиков – на этот раз крепко подшофе – устроили хорошую такую, добротную драку. С кровишкой, осколками зубов и втаптыванием противника в пол, так что трясся не только вагон, в котором вершилось непосредственно действие, но и два соседних. Стоявшая рядом со мной старушка с лицом матери Терезы жалостно всхлипывала:

– Да что же это... Да как же это...

А когда я хотел было ее успокоить, плаксиво пробулькала:

– Да когда ж мы теперь поедим...

И это все, что необходимо знать о людях в столичном метро. Я прислоняюсь спиной к двери с надписью «не прислоняться», обнимаю спиннинги и делаю вид, что дремлю.

«Наше место», как и мой хостел, недалеко от центра города, но не с востока, а с запада. Несмотря на спешку, опоздать я не боялся. «Дядь Ленья» будет меня ждать до последнего – я почему-то был уверен, что он еще до того, как ответить на звонок, знал, что это именно я. Хотя этот мой номер он знать никак не мог. Так что он теперь с меня не слезет. Но опаздывать на встречу с *такой* фигурой просто некрасиво.

Я понятия не имею, какую роль играл в государстве «дядь Ленья» до того, как вышел в отставку, и даже не знаю толком, в какой структуре он служил. Мне известно лишь, что именно после вмешательства «дядь Лени» от дел отошел человек с нечеловеческой фамилией Кон-

стантин Ананазе, а это для знающих людей само по себе является признаком птицы орбитального полета.

Я захожу в парк без видимой опаски (не хватало еще оглядываться и прятать глаза за черными очками, как шпион из плохого фильма), но в действительности я напряжен как вольтова дуга. За «дядь Леней», учитывая масштаб его личности, просто *не могут* не наблюдать. Но это как раз не страшно, вопрос решаемый. А вот если он *сам* решит меня сцапать, то мне поможет разве что штурмовой отряд небесных ангелов. До меня только сейчас дошло, что я запросто могу сам себя загнать в ловушку – вот прямо в эту минуту. Почему на контакт вышел только один человек? Причем именно тот, кто о *Дне* только догадывается – во всяком случае, несколько лет назад дело обстояло так. Почему он явно сразу узнал меня, как будто ждал моего звонка? Это ведь не общее кодовое слово – «спиннинги» – это наш личный шифр. Почему он сразу назначил встречу?

В любом случае, точка невозврата пройдена. Тем более, что я уже вижу и самого «дядь Ленью». По виду – обычный пенсионер, разве что немного чересчур жилистый и подтянутый, но мало ли у нас таких армейских отставников. Наверное, он все-таки из военной разведки – те до самой смерти остаются машинами для убийства.

«Дядь Ленья» приглашающе похлопывает по лавочке рядом с собой и я, изображая радость встречи, ускоряю шаг и раскрываю объятия.

– Ты бы хоть ценники с удочек оборвал, доктор Зорге, – не столько слышу, сколько угадываю я слова «дядь Лени» (губы его при этом не шевелятся, растянутые в идиотской улыбке узнавания), в то время как моя спина содрогается под его отнюдь не пенсионерскими похлопываниями.

Я, ухмыляясь не менее идиотски, сую руку в сумку и активирую коричневую линзу. «Фанера», она же «Фон». Теперь, если нас кто-то попытается прослушать, он не просто наткнется на «белый шум», он услышит пустую болтовню двух дальних родственников. Техника на грани фантастики, что уж там. Тем более, что к технике *это* никакого отношения не имеет.

Из сумки я достаю бутылку с мутной жидкостью и победно трясу перед носом «дядь Лени». Судя по его лицу, он узрел по меньшей мере эликсир бессмертия, который, ко всему, будет раздаваться абсолютно даром.

– Хочешь, скажу, о чем ты сейчас думаешь? – ни с того ни с сего заявляет мой «родственник», усевшись обратно на лавку. – Ты думаешь о том, сколько сейчас *моих* людей наблюдает за нами из кустов, с воздуха и из космоса.

– И сколько их? – спрашиваю осторожно.

– Зиро. Отпустил я их, веришь?

– А... м-м-м... Не ваших?

– Ну ты как ребенок, право слово. Чужие здесь не ходят, – и подмигивает, волчара старый.

До меня доходит, что все мои ухищрения были не просто напрасными, но лишними изначально. Этот... этот маразматик развлекался! Молодость решил вспомнить, в шпионов поиграть на старости лет! Но он ведь явно знал, что я позвоню...

– Да сядь ты, не мельтеши... Промокашка... – опять ухмыляется «дядь Ленья». – Срисовали тебя. Тоже мне, рыцарь плаща и прыща.

Кто же это меня срисовал, интересно... Неужто Великий Инка? Или еще раньше, полицейский на вокзале Подвалуевки?

– Дилетант! – старый разведчик вдруг рывкает уже по-серьезному. – Ты хоть понимаешь, что если бы за тобой по-настоящему следили какие-нибудь горлохваты, ты бы провалил все, что только можно?!

– За мной следили, я уверен.

– Я за тобой следил, мои ребята, точнее!

Так, все, он мне надоел. При всем уважении, как же эти пенсионеры любят жизни учить. Ну да, они-то пожилы, они зна-ают... Я тоже вот кое-что знаю.

– Голема тоже вы подослали? Или ваши «ребятки»?

Честно говоря, сперва мне показалось, что его хватил удар. Глаза вылезли за пределы очков, челюсть отвисла – натуральная апоплексия, разве что не трясется.

– К-какого голема?

– Глиняного, дядь Лень, какие големы бывают, – я начинаю звереть и поэтому говорю подчеркнуто вежливым тоном.

В общем, дальше неинтересно. Интересно другое. Во-первых, срисовал меня не кто-нибудь, а продавец обуви в Старонужниково. Оказывается, он раньше работал под началом «дядь Лени» и несколько раз видел меня, когда я пересекался со стариком. Самое обидное, что и я его тогда видел, и сейчас даже вспомнил лицо, но на рынке – не узнал. А тоо, что мы столкнулись где-то в афедроне мира – совпадение, Холмс? Ну да, как же. Что-то мне подсказывает, что мудрый «дядя Лень» не упускал меня из виду все эти годы, слишком уж много загадок я ему в свое время загадал, хоть и не нарочно.

Во-вторых, никаких големов старый разведчик, понятное дело, не посылал и вообще знаком с ними исключительно по фильму его детства «Пекарь императора — император пекарей». Это если, конечно, «дядь Лень» не врет. Я мог бы проверить его синей линзой, «правдолюбом», но в разгар важного разговора что-то пихать себе в глаз было как-то не с руки. Еще и объяснять пришлось бы, что это.

В-третьих, о *Дне* он, кажется, действительно ничего не знает, но догадывается явно о многом. И в-четвертых, по словам «дядь Лени», последнее время вокруг творится какая-то «невнятная мразОта» (он так и сказал), в которой никто ничего не может понять. И тут как чертик из табакерки (совершенно неожиданно, верю-верю) из небытия выскакивает ваш покорный слуга, едет не куда-нибудь, а в столицу и ищет встречи не с кем-нибудь, а с самим «дядь Лень».

Примерно на этом месте мне становится понятно, что мы переходим к серьезному разговору. Сейчас меня будут вербовать.

Глава 6

Капитан против черепашек-ниндзя

Мы не жалкие мутанты

Мы сектанты-практиканты

Гимн юных еретиков

Через пару часов я сижу сразу перед шестью мониторами, на которые передается изображение со спутников, следящих за штабом *секты*. Здание они себе отхватили серьезное, ничего не скажешь. Очередной бизнес-центр, сталь и стекло, как было модно в Японии полвека назад. Шагаем в ногу со временем, как всегда. Готов прозакладывать что угодно, *секте* здание принадлежит целиком, включая подземные коммуникации. Кстати, со спутника я могу заглянуть и под землю, получив и тепловую картинку, и даже магнитную.

Мой недавний собеседник полагает, что спутниковое наблюдение засекают сектанты еще не научились. Вот квадрокоптеры, например, сшибают на лету. А у последнего супергероя, рискнувшего самолично понаблюдать за *сектой* через оптику, глаза взяли да и лопнули.

Веселые дела в столице творятся, я смотрю... Несколько лет назад было еще веселее: вы наверняка помните нашумевшее «дело Часовщиков»? Так вот, дядьнины коллеги пытались заслать в ту шайку своего казачка. «Крот» вышел на связь единственный раз, только и успев передать что-то в духе «прощайте, братья». Банду в итоге все-таки накрыли и даже казачка живым вытащили. Вот только лет ему к тому времени было крепко за девяносто, хотя на внедрение он шел тридцатилетним, а проработал под прикрытием всего две недели. Не знаю уж каким образом, но специалисты из спецслужб со всей, якобы, достоверностью установили, что «форсированного темпорального воздействия» к агенту не применяли, и он действительно *прожил* все внезапно навалившиеся годы. А недавно пару фигурантов по «делу Часовщиков» опознали уже в качестве действующих членов *секты*, хотя присесть они должны были прочно и надолго.

Меня больше всего в рассказе «дядь Лени» заинтриговала именно оговорка о форсированных темпоральных воздействиях. Из нее следует, что саму возможность такого воздействия наши «люди в сером» принципиально допускают, если не хуже. А это значит – все завязано на времени. Черт, я ведь с самого начала это подозревал! Вот за этим им и понадобился Адам!

А вот, кстати, и загадочные *они* – шумною толпою толкают дружно... Опа! Из здания в плотном окружении вываливается наш Адамчик. И не сказать, что его ведут насильно, да и на одурманенного не похож. Ишь, рожу растягивает. Хотя он-то, пожалуй, единственный тут более или менее похож на человека. У сопровождающих его такие хари, что, должно быть, Фредди Крюгеру в кошмарах снятся. Орки не орки, гоблины не гоблины...

Сейчас бы группу захвата вызвать, бахнуть по ним по всем клеевой гранатой с вертолета и не придется лезть ни на какое *Дно*. Однако «дядь Леня» четко сказал, что никто из его людей с *сектой* связываться не будет. Смотреть, мол, смотри, а трогать – ни-ни! Хотя эти вот, которые Адама куда-то ведут, такими уж грозными не выглядят. Ну, на лицо ужасные, да. Так в профессиональном боксе, например, и покруче рожи встречаются. Но если все же речь идет именно о временных заморочках... Тогда – ой. Интересно, а я-то в этом случае на что рассчитываю, да еще и в одиночку?

Так-так, куда это они? Пройду по Абрикосовой, сверну на Виноградную... Карту мне на соседний монитор! Так, Плющиха, Большая Пироговская... Пешком идут, что интересно, никакого транспорта. И никто на этакую могучую кучку внимания не обращает.

Я плохо знаю столицу, обидно. И раньше-то не очень хорошо знал, а уж после стольких лет... Но кажется, где-то там, по их маршруту будут Лужники. Не иначе, дружеской компанией

решили на матч сходить, хе-хе. Смотрю на карту – ну точно, «Лужа» неподалеку. Но до Лужников компания не доходит. Новодевичий монастырь, твою ж так! Они уходят на *Дно*! Седлать коней! Прости, «дядь Ленья», аппаратуру выключать некогда, спасибо за все.

Последняя моя мысль перед тем, как я выскакиваю из аппаратной: «С тростью теперь можно попрощаться».

Вообще-то, конечно, то, что команда вурдалаков с Адамчиком наперевес ушла на *Дно* – это бабушка Яга надвое сказала. Просто насколько мне известно, именно такие места как Новодевичий монастырь, являются наиболее удобными для *перехода* нелюдей. А в том, что брата моего сопровождают именно нелюди я не сомневаюсь. Матушка Еления, старая моя знакомая, однажды выдвинула теорию, согласно которой людской бог своих подопечных от *Дна* оберегает и не пускает, а нелюдей, напротив, с Поверхности выталкивает чуть ли не в тычки.

Сам я, как уже говорилось, знаю только одну точку *перехода*, и находится она отнюдь не в монастыре или церкви. Хм, опять-таки, если теория матушки верна, то людям должно быть легче совершать *переход* на каких-нибудь зловещих капищах. С этой точки зрения вдвойне интересно, что Адамчика потащили именно в монастырь. Вот смеху-то будет, если они его там сейчас попросту прирежут.

Но я все же уверен, что мы имеем дело с *переходом*. Видимо, эти уроды послужат для Адама своеобразной смазкой, благодаря которой он проникнет на *Дно*. Наша муттер была убеждена, что вся движуха началась именно в Городе-под-городом, да и «дядь Ленья» отпустил пару намеков насчет «неотсюдошних». Теперь мне надо максимально быстро попасть в мою собственную точку *перехода*. Монастырем я пользоваться не буду: во-первых, далеко, а во-вторых – пес его знает, что там сидит. Поблизости от любой точки должен обретаться *мельхом*. Со «своим»-то я хоть примерно представляю, как управляться (точнее, как он него спрятаться), а вот кто опекает Новодевичий...

Старый волчара расщедрился, выделив мне, помимо аппаратной, мотоцикл. Зверь-машина – спортивный «японец», легендарный Kawasaki Ninja. На автомобиле-то по столице с ее постоянными пробками не слишком разгонишься. Впрочем, и на байке максимальную скорость не выжмешь, но мне сейчас важнее маневренность.

Возникла абсурдная идея выпрыгнуть из окна прямо в седло мотоцикла, как в старых фильмах про мушкетеров или ковбоев. Но – шестой этаж. После такого прыжка череп мой будет расти прямо из руля. Все эти мысли проносятся у меня в голове уже во время ожесточенного бега по лестничным пролетам. Выскочив из подъезда все же не отказываю себе в небольшой показухе и запрыгиваю в седло с разбега. «Он сказал: поехали»... Надеюсь, дядьленины парни не забыли заправить байк...

Помните, я говорил про капища? В целом, не исключено, что такое когда-то здесь и было. Огромное, размером со средних размеров современный город, капище. Потому что моя точка перехода находится в канализации, неподалеку от одной из станций метро, которую я здесь называть не буду. Проще всего туда проникнуть через саму же подземку, но это в спокойной обстановке. У нас же цейтнот, поэтому я мечусь в поисках незафиксированного люка и, найдя его, начинаю спуск.

Ага, спускаюсь приблизительно на уровень метрополитена, плюс-минус. Стены здесь относительно сухие, хотя кое-где и покрыты мхом. Быстрее-быстрее, ать-два! Следующий спуск – на северо-северо-западе. Под землей я ориентируюсь – куда там гномам. Тоже, между прочим, умение наработанное. Это я не бахваюсь, а просто чтоб вы оценили, как много всего пришлось постигать – и ради чего? «Так имело ли смысл целоваться в кино, загорать и питаться порою умеренно мясом?», – как поется в одной хорошей песне.

Быстрее. Быстрее. Уровень два. Начинается канализация, здесь уже становится сыровато и по стенам то и дело шныряют какие-то... черт, и слова подходящего не подберу. Помесь паука со сколопендрой, хорошо хоть мелкие. Не люблю я вот этого, когда много конечностей. Где-то, приблизительно на этом уровне располагается намертво обросшее байками «Метро-2». Насколько мне известно, никакого «Метро-2» нет, а есть один из слоев *Дна*, в результате какого-то катаклизма частично заползший на Поверхность.

Уровень три. Еще ускоряюсь. Вот тут-то уже *настоящая* канализация. Есть мнение, что эта система была построена задолго до того, как всякие дьяковцы-вятичи-кривичи начали возводить свои селения на месте будущей столицы. Недаром в городе и по сей час находят артефакты времен аж мезолита. Течет и каплет уже отовсюду, включая условный потолок. Арахносколопендры исчезли, но кто знает, что таится под поверхностью исходящей пузырями каши? Я знаю...

Пришпориваю сам себя. Возникает абсурдное ощущение, что свернув за поворот, я наткнулся на черепашек-ниндзя. Но мне доподлинно известно, что здесь обитает Капитан Щелкун, и если вы столкнетесь с ним, вам не помогут ни черепашки-ниндзя, верхом на мастере Сплинтере, ни переносной зенитный ракетный комплекс. Именно поэтому я очень рассчитываю с Капитаном не столкнуться.

По гигантского сечения тоннелям с ревом несется разноцветная масса, в которую очень не хочется упасть, на нее и смотреть-то страшновато. Больше всего мне по-прежнему жалко трости – она сейчас очень пригодилась бы, слишком часто поверхность под ногами может оказаться не тем, чем кажется. Рудиментарная жадность нищего обывателя напоминает, что за трость я заплатил как за небольшой самолет, причем – авансом.

Я молодец, я несусь по тоннелям и в то же время отрешенно подбиваю баланс. И так, в минусе у нас трость и тот факт, что я не успел разнюхать никаких подробностей. В плюсе: я узнал главное – вся история упирается во время, извините за каламбур. Ну а тот факт, что Адам, вопреки моим ожиданиям, все еще жив, занесем в графу «а жаль». В этот момент ритм плеска и рева жидкости явственно нарушается. Чер-р-р-т, накаркал...

Ша, уже никто никуда не торопится... Раньше мне с Капитаном сталкиваться не доводилось, каждый раз удавалось разминуться. Правда, тогда на мне еще была печать *Дна*, так что Щелкун бы в любом случае меня не тронул. Наверное... Зато про *мельхома* много рассказывают обитатели Города-под-городом. Уличный попрошайка Полушка, например, клялся, что ему удалось вырваться из самой пасти и в доказательство приводил нижнюю половину своего тела, точнее – ее отсутствие. Моя подруга Ламия рассказывала, как однажды спаслась, пробежав по панцирю Капитана, – спаслась одна из отряда в дюжину не самых беспомощных существ. Внушает энтузиазм, в общем...

Спрятаться негде. Драться? Хорошая шутка. Выход один... Я второпях достаю из стремительно худеющего контейнера прозрачную линзу. Такая у меня всего одна, не уронить бы. «Авьяктах», или «невидимка». Вот только неосознанно она меня не сделает, и Капитан, при его габаритах, вполне может на меня наткнуться. Подпрыгиваю, вцепляюсь в какой-то свисающий провод, и молясь, чтобы на него вдруг не подали напряжение, карабкаюсь к потолку.

То, что выплывает в проход, совершенно очевидно не является Капитаном Щелкуном. Кажется, что огромный ком черной, как душа моей маменьки, смолы, не торопясь, с какой-то даже величавостью следует по тоннелю, колеблясь и перетекая. В какой-то момент я отчетливо различаю округлую, чуть вытянутую голову существа, безо всяких намеков на глаза или пасть. Тем не менее это именно голова, а по бокам от нее пластается что-то вроде асимметричных крыльев. Миг – и все исчезло, скомкалось, по проходу вновь тянется смоляная жвачка. И я уверен, что существо меня каким-то образом *ощущает*. Клякса замедляет свой плавный ход, останавливается прямо подо мной. В такие моменты принято говорить: «он боялся привлечь

его оглушительным биением своего сердца». Мое сердце в те секунды не просто замерло, а исчезло, я физически чувствую пустоту в груди. От ужаса у меня начинают ныть зубы.

Словно поразмыслив, существо трогается с места и уплывает туда, откуда я не так давно пришел. Я же болтаюсь на проводе еще минут двадцать, убеждая себя в том, что это вынужденная осторожность. Только спустившись на пол, я замечаю, что мои ладони не хотят разжиматься и благодарю всех канализационных богов за то, что предусмотрительно надел перчатки. Будь руки голыми, ногти обязательно впились бы в ладонь до мяса, а на запах крови *неминуемо* бы кто-нибудь явился.

Скорее отсюда, точка *перехода* уже недалеко. Однако крутые перемены произошли на *Дне* со времен моего бегства. Сменить *мельхома* может только кто-то из высших иерархов, да и то – трижды подумает. Главное, в обычных условиях это просто ни к чему. Что же здесь произошло за время моего отсутствия?

Идти все равно приходится не слишком быстро, выверая шаги и постоянно прислушиваясь к окружающему шуму. Но наконец я достигаю заветного перекрестка. Печати на мне больше нет, стало быть, точка *перехода* просто так не откроется. Но, как поется в другой хорошей песне про гиперактивного доктора, «i know a trick»! Лишь бы и с «секреткой» ничего не случилось, в противном случае я в глубокой муладхаре.

Вожу рукой по склизкой стене, стараясь не прикоснуться к ней лишний раз обнаженными пальцами. И почти сразу ладонь проваливается. Одна из панелей – фальшивка, результат работы чуть модернизированной «невидимки». Теперь нужно ввести код. Он вряд ли изменился, так как представляет собой зашифрованные координаты этой самой точки *перехода*. Есть! Угол проваливается сам в себя, и мне открывается комната, достаточно просторная и вполне жилая. Собственно, еще всего пару веков назад здесь и жил хранитель *перехода*, но потом все хранители как-то подозрительно быстренько вымерли, а новых набрать и обучить было уже некому. Обстановка осталась от последнего, чуть ли не от самого Якова Брюса, окончательно удалившегося сюда после своей «смерти». Так что антураж соответствующий – первая половина XVIII века. В одном углу – кровать с балдахином, в другом – письменный стол попсового красного дерева, по бокам стоят здоровенные подсвечники. Свечи в них – под стать, и, что характерно, горят. И будут гореть всегда. Над столом висит портрет брылястого дядьки в парике, чем-то похожего на Шалтая-Болтая. Никогда не интересовался, как выглядел Брюс, возможно, это именно он. "Повесил собственный портрет и сам собою восхищался", сказал бы поэт.

Я знаю, что стена за мной восстановилась, и сейчас там висит зеркало, отражающее мою спину. Я не оборачиваюсь – плохая примета. Когда я совершу *переход*, на портрете проступит мое лицо и продержится несколько часов. Я начинаю ритуал.

Глава 7

Попытка и пытка

*Уходит рыбак в свой опасный путь.
«Прощай», — говорит жене.
Может, придется ему отдохнуть,
Уснув на песчаном дне.
«Песня бродячего певца», к/ф «Человек-амфибия»*

Как действует *переход* я толком не представляю, процесс как-то связан с Границами мира, преодолевая которые, оказываешься как бы за углом привычного мироздания. За углом я и оказался – в самом буквальном смысле. Я стою в какой-то подворотне, вокруг горы невообразимого мусора, под ногами кто-то шмыгает, но из-за царящего вокруг мрака невозможно разглядеть кто. Да и не хочется, по правде говоря, нервы дороже.

Здесь, на первом слое Шеола, всегда ночь, ехидно посвечивает гнилостно-зеленая Луна и идет дождь. Здесь всегда светит Луна и идет дождь. Нуар-стилистика очень подходит этому месту. А вы думали, я попаду в этакий подземный Пандемониум? Вы не так уж неправы... Первый слой, по сути, – мегаполис, тот самый Город-под-городом, полный проходов на другие слои. Если вам вдруг захочется побродить по *Дну*, то после попадания в Город никаких сложностей с переходами меж слоями уже не будет. Напротив, здесь можно совершенно неожиданно для самого себя попасть в абсолютно другое место (или даже измерение), просто перешагнув незнакомый порог. Случается, что неопытные путешественники *расслаиваются* и начинают существовать сразу в двух, а то и больше, экземплярах. Такова пространственная специфика *Дна*.

Ритуал перехода всегда выбрасывает тебя в строго определенный район, привязанный к точке на Поверхности, так что сейчас я должен находиться в Пазузарии, гетто для нищих и прочих неудачников, выдвиненных на задворки Города и жизни. Но где именно – это предстоит уточнить, ритуал хирургической точностью не отличается, а Квартал Разложения весьма велик, это один из крупнейших районов Города-под-городом. Неудачников всегда много больше, чем тех, кто добился хоть какого-то успеха. Какая, черт побери, свежая мысль...

Я выхожу из подворотни и узнаю местность – тупик Потрошителей. Мне, выходит, надо на юг, именно там располагается заведение с оптимистичным названием «Веселая дыба», принадлежащее той самой моей подруге Ламии. Невольно задумываюсь, а подруга ли она мне еще? Когда начинаются серьезные закрутки – каждый сам за себя, а общение со мной сейчас может представлять реальную опасность.

Тупик остается за спиной, и я попадаю в ту часть Пазузария, которая даже здесь считается неблагополучной. Освещения на улицах нет, но Луна, словно издеваясь, высвечивает все подробности. Вот куча гниющего хлама, содрогающаяся и издающая хлюпающие звуки. Надо полагать, под ней кто-то храпит. Хотя очень может быть, что хлам хлюпает сам по себе. Лучше обойти, неизвестно, что может оттуда выпрыгнуть. Вот в остатках тени прячется не то гигантский паук, не то небольшой раттус-октапод. Вдоль стены воровато крадется девочка лет тринадцати. Тоже лучше обойти по большой дуге. Здесь не бывает девочек тринадцати лет. В стену дома, мимо которого я прохожу, изнутри что-то ритмично бухает. А вот сейчас лучше бежать, бежать как можно быстрее!

Уф... Вроде проскочил. Рассказывали мне про тех, кто стучит в стены домов изнутри.

Когда-то в Пазузарии жил и я, но мне повезло выбраться из этой клоаки. Грязь, вонь, ни дня без убийства, но главное – тягостное ощущение полной безнадеги и медленного, но

неизбежного угасания. Именно оно давило на меня сильнее всего в прошлом. Да и не только на меня – Пазузарию принадлежит сомнительная честь быть первым во всем Шеоле районом по числу самоубийств, хотя я представить себе не могу, кто ведет статистику. Здесь кончают с собой даже мертвецы. А вот, кстати, и они, толкуются вокруг костра, чисто бездомные в каком-нибудь Гарлеме. Неживые.

– Эй, тепленький, «сливняком» не богат?

Этого мне только не хватало, да что ж это такое... От компании отделяются четверо. Встают, слегка покачиваясь, напротив меня и молчат. Это я тоже хорошо умею, стою и молчу в ответ. Наконец один – видимо, заводила – не выдерживает.

– Чего притух? Тебя же вежливо спрашивают. Пока.

Я же говорю – натуральный Гарлем. Стою, молчу. Даже слегка улыбаюсь. Мелкие бандитики везде одинаковые, что на Поверхности, что здесь. Впрочем, это даже не бандитики, так, шантрапа с пустыми карманами, как говаривал герой моего детства судья Вригль, парagon карающего правосудия. Гоп-стоп, мы подошли из-за бабла. Этим, конечно, нужны не деньги, они действительно ищут «сливняк». Джентльмены в поисках «дорожки», наркОты неживые. Тот, что слева – явный утопленник, синий и распухший. Рядом с ним – парень с расколотой головой. Главарь вроде бы без видимых повреждений, но слишком уж сильно дергается и пучит глаза. Возможно, убило током, но скорее всего он и при жизни был наркоманом. Не люблю наркоманов. Особенно таких, которые и за гробом не успокаиваются. И только последний из «фантастической четверки» на первый взгляд напоминает человека, но и его к живым отнести сложно. Это голем.

Молчу, улыбаюсь криво. Ровно в тот момент, когда четверка начинает движение ко мне, говорю лениво:

– Второй смерти ищешь, мокрота? Глаза сгнили?

«Мушкетеры» как по команде запнулись. С такими деятелями субкультуры нужно уметь разговаривать, я этому научился много лет назад. И самое главное, я *не пытаюсь* взять их на пушку. Я и в самом деле могу справиться со всеми четырьмя – это не так уж сложно для тренированного человека, трудности могут возникнуть разве что с големом. Но это их территория, их здесь не четверо, поэтому гораздо важнее дать им понять, что я могу доставить неприятности куда серьезнее, чем несколько тумаков. И они это постепенно начинают понимать.

– Если сгнили, слушай меня ушами, только разверни их для начала. Я. Тебя. Спросил. Второй смерти ищешь? Отвечать!

– Пхр... Мбр... Пра-а-азвольте принести извинения, мессен, – давит наконец вожак.

– Засунь их в своего червивого туза, выкидывай аидий! На месте кругом-марш отсюда к Танатосовой бабушке!

Меня приняли за серьезного, *уважаемого* человека. И это правильно. Четверка исчезает, лишь главарь, пытаюсь сохранить лицо (было бы, что сохранять, три раза «ха»), медленно отступает спиной вперед, не сводя с меня взгляда. Я даже слегка передергиваюсь, такая ненависть плещет из его глаз.

Впрочем, это как раз не удивительно, размышляю про себя, отойдя уже довольно далеко. Ненависть — чувство, которое мертвые априори испытывают к живым. Само слово происходит, кажется, от древнеславянской фразы «не навь исть», то бишь «не мертвый есть». Вроде бы так вопили мертвецы, застигнув живого в своем царстве, что случалось частенько. Те же древние греки, к примеру, в Аид шастали, как к теще на лаганы. Хотя вряд ли, конечно, тамошние покойники вопили на древнеславянском. С другой стороны, Аид, он же Гадес, в англоязычном варианте «Hades», тогда как «ненависть» в нем же - «hate». Улавливаете общую канву?

Развлекаясь этой своеобразной мысленной гимнастикой, я фланирую по улочкам Пазузария. Дорога Двоедушцев – уже менее опасная часть района, здесь обитают не преступники,

а просто бедняки. Дома здесь без окон, а двери такие, что не вышибет боевой слон. Но на улице уже появляются признаки цивилизации: попрошайки, старьевщики со своими хлам-тележками, где иногда можно обрести весьма интересные вещи, тетки, пытающиеся продать сомнительного вида снедь и прочие представители «честной бедноты». Пару раз я вижу даже кого-то вроде стражников – ходят парами, на рукавах зеленые нашивки, широкие пояса отягощены дубинками. Раньше ничего подобного здесь не было. Очевидно, местная общинная милиция, ибо никакой централизованной власти здесь нет. Но пройдет не слишком много времени, и эта милиция как раз и станет местной властью, так всегда происходит.

Чем тут в действительности живут – непонятно. Не торговлей же, в самом деле, и даже не милостыней: существа, способные, а главное *желающие* подать, появляются здесь раз в полвека. Производить в Пазузарии тоже ничего не производят, разве что инфекции. Возможно, сюда просто нескончаемым потоком стекаются человеческие и нечеловеческие отбросы, но в силу естественных причин быстро освобождают место для новых «поступлений», что и создает иллюзию какого-никакого существования. Мне очень не хочется здесь задерживаться, и я прибавляю шаг. Я бы и пробежался в качестве разминки, но на бегущего здесь среагируют однозначно: ату его! Честные-то они честные, но ведь бедные... Впрочем, пройти мне осталось не так уж много.

«Веселая Дыба» располагается на стыке трех районов: Пазузария, Рынка Теней и Меркатона, квартала, где ведутся дела посерьезнее рыночных. Я выхожу на Дыбную площадь (да-да, в честь заведения) и упираюсь взглядом в «Веселую Дыбу». В действительности это не просто какой-то трактир, или бордель, или казино. Это целый комплекс, объединяющий все указанное и еще много чего. Самое популярное заведение *Дна*. Говорят, многие обитатели Поверхности готовы в самом прямом смысле продать душу, только чтобы провести здесь ночь. Души в Шеоле принимают охотно, но – в промышленных масштабах. Никто не будет морочиться из-за одной-двух.

Здание «Дыбы» напоминает несколько полусфер разного размера, частично сросшихся друг с другом. Внутри помещения гораздо просторней, чем можно подумать, глядя на «Дыбу» извне – пространственные искажения, стандартная практика для Города-под-Городом. Окон здесь изначально нет, они появляются по мере надобности, причем снаружи выглядят как человеческие внутренние органы, проросшие сквозь стены. Милая шутка хозяев.

Покатые стены заведения украшены разноцветными огнями и прочими веселыми завлекалочками. Так, на шпиль, венчающий самую крупную полусферу, насажен живой арлекин, пронзительным голосом зазывающий гостей. Интересно, это постоянный бессмертный зазывала, или их периодически меняют?

Обхожу «Дыбу» со стороны Рынка. Дверей здесь тоже нет, надо найти панель вызова, и тогда ко мне выйдет привратник. Я возлагаю руки на неприметный кусок стены, надеясь, что она меня еще помнит. Шершавая поверхность под ладонью медленно вздыхает, и в следующий момент я вижу перед собой клыкастую рожу.

– Машалла! – радостно рявкает рожа. – Клянусь Иблисом, это же бароний выкормыш!

– На себя посмотри, Даджарр, – в тон ему отвечаю я, улыбаясь. – В твоём возрасте сторожить притон – уже харам.

– Да я и сам – харам! – ничуть не смущается тот. – Но что же мы стоим, о, чёрный омут моего сердца? Ахлан васайлан, ахлан васайлан! Пери будет рада!

Он подмигивает мне всеми шестью глазами, и прежде, чем я успеваю что-то ответить, мускулистые ручищи втягивают меня в стену.

С моего последнего посещения в «Дыбе» мало что изменилось. Здесь всегда царит атмосфера угрюмого карнавала. Чтобы наслаждаться ею, мало быть *своим* на *Дне*, нужно иметь соответствующий склад характера. Освещение в стиле «то потухнет, то погаснет», через полчаса

вызывающее у трезвого человека стойкое головокружение и тошноту. Львиную долю главного зала занимает вращающаяся в разных плоскостях сцена, сейчас на ней выплясывают древние паровые големы. Голем-дама скрежещущим контральто выводит:

*Здесь властвуют машины, здесь гной в реке течет,
Скелеты на дрезинах сбивают птицу влет!
Здесь солнце черно-синие скитаются впотьмах
Кишки чужого сына вкушает Полимах!*

Сам Полимах сидит в VIP-ложе, его не видно, но одного из иерархов *Дна* выдают мелкие эвриномы, кружащиеся то тут, то там в воздухе. Вообще народу не так уж много, скорее всего, как раз из-за Полимаха. Это только нам не страшен серый волк, а *разумные* существа стараются лишний раз на глаза мужам силы не попадаться.

Бар опоясывает стены многоэтажным сплошным кольцом, обещающим благостное забытие. Властелин бутылок, кальянов и прочего мозголома сейчас находится на дальней от меня стороне, но я не гордый, я сам к нему подойду.

– Ау, брат Семерка? Плесни «магмобоя»!

В отличие от привратника, Семерка лишь кивает мне, как будто мы виделись только вчера, и протягивает гильзу от снаряда, в которой бурлит и искрит. Шутки у него все те же, однажды он мне подсунил вместо хайбола чью-то черепушку, причем говорящую. Я еще помню время, когда его звали Восьмеркой, но после того, как он потерял одну из рук... Впрочем, неважно.

Я усаживаюсь прямо на пол, покрытый теплым голубым мхом и прислоняюсь спиной к барной стойке. Здесь я – по крайней мере, сейчас – в безопасности. Отхлебываю из гильзы, и уши мои предпринимают попытку воссоединиться на темечке. В безопасности?! Ощущения такие, словно глаза вытекают сквозь барабанные перепонки. Черт, отвык я от местных фирменных коктейлей... А ведь раньше мог усвоить несколько литров того же «магмобоя». На Поверхности такого делать не умеют и вряд ли когда научатся, разве что в целях геноцида.

Ну, первая — колом, вторая — серебром, как говорят «лица, страдающие гипердентинном». Я уже ощущаю мягкое внутреннее тепло, как будто весь состою из толстых мохнатых котов, лениво борющихся друг с другом. Теперь только бы не прикемарить с отвычки.

– Угостите даму литром крови? – мурлыкает у меня над ухом почти забытый голос.

Помянешь вампиров... Это, разумеется, Ламия – Даджарр первым делом должен был ей сообщить, кто это вдруг заскочил на огонек транзитом с Поверхности на тот свет. Я медленно поворачиваю голову, ожидая пощечины. Таков жанровый канон: сейчас она отвесит мне оплеуху, а потом страстно поцелует и спросит, как я посмел ее бросить. Ламия внимательно смотрит на меня и в глазах ее нет ничего, кроме этого странного внимания. Драться она, кажется, не собирается. Целоваться, впрочем, тоже. Моя старинная подруга все так же обворожительна: платиновая блондинка, внешности которой завидуют эльфийские принцессы (факт, имеющий место). При этом она не выглядит ни распутной, ни вульгарной, в ней есть некая утонченность. Словом, мечта задрота-анимешника, извините мой японский.

– Она погибла, – бесцветным голосом говорит Ламия. – Ты сбежал, и она погибла.

Тут я наконец обретаю чаемую оплеуху. Награда нашла героя. Поцелуй тоже не заставил себя ждать (я же вам говорил). А то, что последовало за поцелуем, вас не касается.

Мы лежим на гигантской кровати Ламии, я наблюдаю за танцем пылинок в лунном луче и отрешенно размышляю, откуда бы здесь взяться лунному свету – за неимением окон. Но, вынужден признать, обстановка самая романтическая, не хватает только свечей и благовоний.

– Они ее убили, – вдруг говорит Ламия. Умеет повысить градус романтики...

Но ничего другого я и не ожидал. Сестра моей подруги, при жизни отзывавшаяся на имя Эмпуса, умудрилась настроить против себя едва ли не всех влиятельных персон *Дна*, за

исключением разве что Барона. Точнее, Барону она тоже успела перебежать дорожку, но старый разбойник ни с того ни с сего повел себя по-джентльменски – вполне вероятно, впервые в жизни – и не стал ее преследовать. Иногда мне хочется думать, что причиной тому был я, мои отношения с Ламией, которые неким защитным куполом прикрывали не только мою подругу, но и ее сестру.

– Ты сбежал, и они добрались до нее.

– Ты считаешь, что Эмпуса погибла из-за меня? Ты *меня* в этом обвиняешь?!

– Да! Ты мог ее спасти, но ты сбежал!

– Хорошо, допустим, – я без спроса закуриваю. – А теперь давай посмотрим на ситуацию с другой стороны. Я, как ты говоришь, сбежал. Но ты-то не сбежала, ты все это время была здесь. Тем не менее Эмпуса мертва. Почему, а?

– Да как ты смеешь! – Ламия внезапно оказывается на мне верхом, в псевдолунном свете глаза ее мерцают тусклым медным блеском. Я чувствую на горле хватку уже не ухоженных ногтей, а самых настоящих когтей.

– Тихо, тихо... Я всего лишь показал тебе другую сторону... – едва не сказал «монеты». – Случившегося. Ни я, ни ты спасти ее не смогли бы... после того, что она наворотила. По собственной, заметь, инициативе наворотила.

– Ты мог хотя бы попытаться... Но ты сбежал! И вернулся только сейчас. Кстати, с каких демонов вдруг?

Расскажите мне теперь о непоследовательности женщин. Вполне логичный и последовательный переход. Я вам больше скажу, вполне может статься, что весь предыдущий спектакль, включая постельные экзерсисы, был лишь увертюрой к этому вопросу. Зачем такие сложности? Ну, как же, противника нужно деморализовать, расслабить, а потом снова деморализовать, именно в таком порядке. Глядишь, и выдаст что-то, чего говорить совсем и не собирался. Со мной, однако, такие фокусы не проходят.

Ловлю себя на мыслях о том, как бы мне в свою очередь половчее вытянуть информацию из Ламии. На несколько секунд мне даже становится стыдно. «Паранойя моя», в полный рост. Совсем нервы ни к бесу... Плюнув на все, я выложил подруге полный расклад. Ну, почти полный. Например, я умолчал, что искомый вьюнош приходится мне единоутробным братом. Да и об участии – пусть косвенном – «вичей» говорить не следует. Их здесь очень хорошо знают и относятся примерно так же, как медведь к заряду дроби в задницу.

– Это тебе к Елению нужно, – подумав, выдает Ламия. – Раз секта.

– Бинго! Знаешь, это я и сам как-то дедуктивно сообразил.

– Какой же ты все-таки мерзавец, – тянет моя подруга, но голос у нее уже медовый. Впрочем, кому как не мне знать, что в этом меде попадаются осколки стекла.

Предупреждая новую волну сексуальной агрессии, я вскакиваю и начинаю одеваться.

– И куда ты, интересно, собрался?

– Да вот как раз к Елению и собрался. Привет от тебя передать.

Время не такое позднее, даже если учитывать, что само понятие времени на *Дне* весьма субъективно. А матушка Еления, кажется, и вовсе никогда не спит.

– Идиот, сегодня же ночь Бледных Монахов!

О, три тысячи мертвых демонов на котел драконьей желчи! Мне и в голову не пришло поинтересоваться, какая сегодня ночь. Это, кстати, к вопросу о субъективности местного времени. «Ночь» и «день» в Городе-под-городом – понятия весьма условные, обитатели *Дна* ориентируются по микрофазам Луны, полный цикл которых соответствует примерно 30-32 часам времени Поверхности. «Вечер» начинается с переходом Солнца Мертвых в фазу «фи» (да, я знаю, как это звучит), занимающей двадцать первую из двадцати четырех позиций цикла.

Ясно одно – сегодня за пределы «Веселой дыбы» я не сделаю и шага. И если ценой моей задержки окажется жизнь Адама, мне, поверьте, будет не очень стыдно. Лучше он, чем я. Зна-

чит, этим вечером я могу расслабиться и передохнуть. Все та же пресловутая «монета». Игривое настроение давно сказало мне «адыю», так что я предлагаю Ламии спуститься в бар, отметить мое возвращение в компании.

А за барной стойкой нас уже ждали. Сюрприз-сюрприз... Хорек по имени Снорли – полцентнера дерьма и наглости. Тощий, лопоухий, глаза навывкате, передние зубы выпирают. Так и ждешь, что он вот-вот сделает «тц-тц-тц» и мелко затрясет головенкой.

– Стари-и-ик! – распахивает объятия Снорли, обнажая все шестнадцать зубов в улыбке, искренней, как стоны порноактрисы.

Я отвечаю ему столь же лучезарным оскалом, но обниматься не спешу. Он, впрочем, тоже. Однако быстро меня засекли. Снорли – один из «хвостов», то есть шестерок того самого Барона, и вряд ли приперся в «Дыбу» по собственной инициативе. Барон, в свою очередь, – глава преступного синдиката, одной из самых значимых групп влияния на *Дне*. Он стоит за половиной местных преступлений, а вторую половину совершает лично. Глупо, конечно, говорить о таком понятии, как «преступление» в Городе-под-городом, где фактической властью выступают как раз личности вроде Барона. Но Барону нравится играть в мафию – его люди ходят в лакированных туфлях, мягких шляпах и костюмах в мелкую полоску, а темные очки не снимают даже во сне. Они даже старательно заметают следы своих действий, уничтожают улики, хотя в действительности поймать и наказать их может разве что сам Барон.

– Рад тебя видеть, дружище! – все так же ослепительно улыбаясь, подсаживаюсь я к Снорли.

При всей его карикатурной внешности, «хвост» не дурак и прекрасно понимает, что рад я ему как иголке под ногтем. Барон и я всегда относились друг к другу с уважением (он ко мне – еще и с долей некой почти отцовской снисходительности), но вот его людей я на дух не переносил еще в прошлый период пребывания здесь. Да и не все там люди, прямо скажем. Недаром организация Барона носит название «Легион».

– Тут, короче, дело такое, – заводит Снорли. – Слушок, в общем, прошел, что ты того... Возвернувшись, хе-хе.

Нет, все-таки как быстро они меня вычислили! Не иначе, кто-то слил.

– Как видишь, старина, как видишь!

Ламия стоит чуть в стороне и не слишком артистично делает вид, что разговаривает с Семеркой. Уши у нее при этом в прямом смысле развернуты в нашу сторону, она умеет (еще один предмет зависти эльфийских принцесс). Я стараюсь особо на нее не смотреть, но знаю – случись что, она меня в обиду не даст. Впрочем, со Снорли я справлюсь и без подмоги, а он тут, судя по всему, один. Значит, посланник...

– Ты б зашел к Старику, – как бы между делом продолжает «хвост». – А то скучает он. Где, говорит, сын мой названный, на кого ж, говорит, он меня покинул.

– Не переигрывай, – я морщусь. – Зайду, конечно. С делами разберусь и зайду. А может даже раньше. Передай Старику, что мне может потребоваться его помощь.

– Надо сейчас. Прямо сейчас, – голос Снорли покрывается льдом.

– У меня что, что-то с произношением? Сказал же, закончу с делами и зайду.

– Смотри. Потом помощь Барона может оказаться тебе не по карману.

– А ты в мой карман не лезь. Как-нибудь сами разберемся, без твоего неопенимого участия.

– Смотри, – холодно повторяет Снорли и поднимается. – Всех угощаю!

И кидает на стойку небольшой, но явно увесистый мешочек, после чего, не оглядываясь, выходит. Отчаянный парень этот Снорли. До ночи, конечно, еще долго, но мы на *Дне*, господа, мы на *Дне*... Здесь может случиться все, что угодно, включая пространственно-временные флуктуации. И сам не заметишь, как окажешься лицом к лицу с Бледными Монахами. Тут уж никакой Барон не спасет.

Но меня в данный момент больше занимает не вдохновенная отвага «хвоста», а мешочек, который он швырнул Семерке. Насколько я знаю Снорли, этот персонаж, ни секунды не задумываясь, распорет себе брюхо, чтобы достать случайно проглоченную монетку. Следовательно, эскапада под названием «всех угощаю» была запланирована изначально и запланирована отнюдь не Снорли. Учитывая, что в «Дыбе» даже битые стаканы знают, на кого он работает, подтекст получается вполне очевидным. Ну, спасибо, старичок... При случае отблагодарю.

Зато потом было хорошо. Как-то, знаете, душевно. Я, Ламия, Даджарр и сменившийся Семерка уединились в одном из кабинетов и задали такого жару, вспоминая былые деньки, что крыша «Дыбы» не обвалилась только по счастливой случайности. Последним, что я запомнил, был рукоборный поединок между привратником и барменом, причем Семерка боролся сразу четырьмя руками. Упившаяся до изумления Ламия сидела почему-то у меня на плечах и обещала победителю ночь страстной любви. Кажется, я возревновал и стукнул Даджарра по темечку кувшином с выпивкой. После этого свет окончательно погас как вокруг, так и внутри моей головы.

Я висел в пустоте и не ощущал себя. Зато пустота была не такой уж пустой. Передо мной парило циклопическое лицо, настолько огромное, что я не мог разглядеть ничего выше губ, как бы ни задираю голову. Но я знал, что это тот самый арлекин, который висел на шпилье «Веселой дыбы».

– СКАЖИ ИМ: МЫ ИДЕМ! МЫ ИДЕМ!

Лицо начало оплывать, стекая гноем, и я понял, что это был лишь грим, маска. Я с ужасом ждал, что откроется, когда гной стечет... Но когда это произошло, оказалось, что лица под гримом не было.

Глава 8

Шестеренки войны

*«Думая о завтрашнем дне, не теряйте голову»
из пособия по личностному росту*

Просыпаюсь я на удивление в неплохом состоянии. А ведь «магмобоя» было потреблено какое-то запредельное количество, даже если не учитывать Даджарра с Семеркой, в которых выпивка уходит как в Кольскую сверхглубокую. Я потягиваюсь, лениво наблюдая, как по комнате скачут солнечные зайчики, чего, понятно, быть не может в принципе. Интересно Ламия себе будуар обустроила, не иначе, сказывается латентная ностальгия по Поверхности. Кстати, а где моя подруга? Только сейчас я замечаю, что ее нет рядом. Вероятно, подсчитывает убытки, да и вообще заведение нельзя надолго оставлять – «Дыба» работает нон-стоп, 24/7/365 и 360 градусов.

Хвала богам, здесь отдельная ванная, в нее-то я и заваливаюсь. Сейчас бы прямо сюда кружку чернящего, как сердце Ламии, кофе... Или нет, лучше стакан гранатового сока! Или даже – молочный коктейль, не слишком сладкий. Но доставка «в номера» в «Дыбе» не предусмотрена. Я мог бы долго валяться в расслабляюще-теплой воде, благо размерами ванна наполнила небольшой бассейн, хоть поперек ложись, но, во-первых, меня ждали дела, а во-вторых банально захотелось жрать.

Вытеревшись и обсохнув, я не торопясь спускаюсь в главный зал. «Дыба» функционирует в обычном режиме: шум, гам, дым. Надо полагать, после отбытия Полимаха, народ хлынул развлекаться. В коридоре кто-то явно дружит телами, в дальнем углу зала кого-то сосредоточенно бьют столешницей, а в центре над столом парит дервиш. Из головы его выплескивается фонтан разноцветных *каналов*, каждый из которых уходит в темя того или иного посетителя. Любители *дервишнуться* двигаются в едином, слегка замедленном ритме. Не люблю наркоманов.

На сцене гигантский слизень демонстрирует в глубинах собственного тела картины будущего. На галерее два молодых полемарха (не путать с Полимахом!) сосредоточенно дуэлируют на энтропиях. Дискретная энтропия явно побеждает. Обычный день в обычном развлекательном заведении *Дна*. В этом плане Город-под-городом не слишком отличается от Поверхности. Персонажи разные, а страсти все те же. Я иногда задумываюсь, может быть, действительно все сущее было некогда создано единым творцом? Причем именно по образу и подобию. Потому что за все то время, что существует разумная жизнь, носители разума так и не придумали ничего *принципиально нового*. Ничего *выходящего за рамки*. Волей-неволей возникаем мысль о неких ограничениях, либо наложенных специально, либо изначально свойственных самому творцу.

На лестнице валяется оторванная рука Семерки... Точнее, уже Шестерки. Я спокойно перешагиваю через нее – в конце концов, бармену не привыкать. Ламии в обозримом пространстве не наблюдается, и я иду на кухню. Там властвует сестра Семерки (Шестерки) Ткачиха. Размером она раза в четыре превосходит брата и занимает большую часть немаленького кухонного помещения. Как я уже говорил, я не люблю не только наркоманов, но и мультипов, но здесь случай особый. С барменом мы приятельствуем, а его сестра – настоящая богиня стряпни.

– О, повелительница кастрюль и королева сковородок! Не соблаговолишь ли ты накормить бедного странника?!

Членораздельной речью Ткачиха не владеет, но языком жестов умудряется мне показать, как устала от подобных клоунов. Тем не менее восьмая рука богини протягивает что-то вроде мясного рулета и меня мягко, но настойчиво выпроваживают. Будем надеяться, что Ткачиха

всучила мне пищу с учетом моих видовых особенностей, иначе я рискую получить в лучшем случае смертельный яд, а в худшем – нечто, трансформирующее не только физическое тело, но и ментальное, то есть душу. Есть тут ценители и такой кулинарии.

Ламии до сих пор не видно, Семерка (Шестерка) и Даджарр где хозяйка не знают. Ждать ее я не могу, Луна в «омикроне», то есть я потерял более половины суток, пусть это и было вынужденно. В темпе, но без суеты собираюсь, лишь потратив некоторое время на раздумья брать или не брать с собой ноутбук. Вообще-то ему здесь работать не положено, но когда я говорил «ноутбук - он везде ноутбук», я, мягко говоря, несколько лукавил. Мой ноут - явление уникальное. В конце концов решаю оставить его в «Дыбе» – если он вдруг понадобится, то его отсутствие вряд ли станет критичным. А вот если, например, за мной будут гнаться... Перекинувшись парой слов с привратником и барменом, я оставляю записку для Ламии и выхожу наружу. И тут меня накрывает... Я вспоминаю – во всех подробностях – сегодняшней сон. Глаза абсолютно независимо от воли поднимаются к шпилью. Арлекина на шпилье нет.

Мне не хочется думать о том, что я видел – точнее, чего *не увидел* – сейчас, и о том, что мне было явлено во сне. Сновидения и на Поверхности-то – нечто гораздо большее, чем принято считать, а уж здесь... Но не думаю, что это та информация, которой следует делиться, тем более, что я даже не догадываюсь, кто такие «они», кому я должен передать послание. Я чувствую, что происходящее слишком страшно, а мне и так предстоит не самые веселые дела. Но окончательно вытравить из мозга образ гнойной маски не могу, удастся лишь загнать его поглубже.

Чтобы попасть к Храму Богочеловека, мне нужно пройти по Тчаупитаулас (*сноска: Тчаупитаулас – улица в Новом Орлеане*) и улице Трех сестер. Дорога относительно безопасная, но часть пути придется проделать по территории, контролируемой «шестеренками». Вообще-то они не слишком кровожадные, заплатил и иди спокойно. Благо, мне есть, чем заплатить – перед выходом я открыл кредит в ростовщической конторе «Даджарр и Ко». Если об этом узнает Ламия, скандал будет слышен даже на Поверхности. Ламия, как и раньше, искренне убеждена, что контролирует мою жизнь, а значит, только ей дозволено решать, получу я деньги или не получу. Такой подход у моей подруги совершенно гармонично накладывается на выходы в стиле «бросить все и пропасть в никуда». Никаких противоречий она в этом не усматривает.

Кстати о деньгах: должен ведь сохраниться мой счет в банке монетариев. Удирал я из Шеола слишком поспешно, чтобы снять средства (да и ни к чему они были бы на Поверхности) и пропал надолго. Но, учитывая щепетильность монетариев в таких вопросах, мои деньги, скорее всего, в целостности и сохранности. Вот видите – *Дно* только на первый взгляд кажется воплощением хаоса, на самом деле здесь в любых аспектах прослеживается *структура*, нужно только копнуть поглубже. Те же «шестеренки» считаются независимой бандой, и довольно крутой. Но на деле они подчиняются Барону, хотя говорить об этом не принято, если не хотите, чтобы в вашей голове ненароком застряла кувалда.

Я иду по Тчаупитаулас и глазею по сторонам. Все-таки я давно здесь не был и от многого отвык. Город-под-городом – это постоянная опасность, кошмары и странные тайны, но это и вечное путешествие в неизведанное, развлечения, не доступные больше нигде, и самые завораживающие загадки мироздания.

На *Дне* всегда ночь, но на Тчаупитаулас светло почти как солнечным днем. Вот люди-пчелы из клана Плоских жал торгуют медом познания. Перед вкусившим его открываются запредельные горизонты. Но взамен пчелы всегда требуют один глаз, а расстаться лишь с одним глазом, как правило, не могут себе позволить даже существа вроде Даджарра и Шестерки. Рядом с пчелами редуцированное трио из мертвеца и демона исполняет старый хит «Ходы кривые роет подземный мудрый труп». Перед ними лежит гигантская раковина, куда прохожие бросают монетки. Из раковины настроженно пырится моллюск. Он в доле – если кто-то чужой

попробует цапнуть деньги, его самого цапнут так, что останется только пристроиться рядом и выступать с номером «без рук - без ног». Этим я помню еще по прошлой жизни, где-то рядом должен обретаться третий певец, про которого поговаривают, что он – настоящий ангел.

Очередной дервиш демонстрирует в зыбком мареве фантазмагорические видения. Три призрака делят еще не остывшее тело – квартирный вопрос испортил не только людей. Скульптуры Двенадцати смертных грехов играют в «пять-семь-девять», выбрасывая на пальцах головоломные комбинации несуществующих чисел. Над улицей, прямо в пронизанном дождевыми струями воздухе, закрыв глаза, медленно танцует пожилой мужчина со змеями вместо рук. Змеи шипят и пытаются подрасться, на лице мужчины блуждает мягкая улыбка.

Когда я прохожу мимо заведения под вывеской, изображающей адского кота, из окна вылетает Бродячий Фонарь, вежливо здоровается со мной (не прекращая при этом изощренно ругаться) и по той же траектории влетает назад. Заведение мне незнакомо, видимо, открылось уже после моего бегства. Вообще я вижу много незнакомых зданий, что, впрочем, не удивительно. Архитектурный стиль Города-под-городом эклектичен. Здесь разваливающаяся хижина соседствует с футуристическим строением из материалов, неизвестных на Поверхности, а рядом возвышается храм, очертания которого невыносимы для человеческого глаза. Кое-где здания прорастают друг в друга, и далеко не всегда они то, чем кажутся. Много лет назад я наблюдал, как из высотки, провалившейся напрямик из Токио, подобно языку хамелеона выстрелила бетонная кишка и поглотила одного за другим четырех прохожих, после чего с утробным «взгллмммм» втянулась обратно в здание. Говорят, крики доносились из строения еще несколько недель.

Я вижу на стене одного из зданий криво намалеванную шестерню. Потехи красной краски, кажется, еще даже не до конца высохли. А может, и не краски... Пам-парам-парам-пам-пам! Я вступаю на территорию «шестеренок», сейчас должна появиться «таможня».

-Эй, мясо!

Ну вот, я же говорил. Застываю, медленно разводя в сторону пустые руки, демонстрируя безоружность и самые благие намерения. Я не успеваю заметить откуда появляются девчонки, но вот они уже стоят передо мной, трое.

-Мясо, за проход надо платить, – говорит старшая «сестричка», у которой вместо глаз старый бинокль. Впрочем, говорит вполне беззлобно. Даже само обращение «мясо» у них – не оскорбление, так они называют всех существ из плоти. Хотя эти трое сами пока недалеко ушли по дороге Механики, их металлического божества.

Она называет цену. Я, не торгуясь, плачу, ссылая деньги в ладони второй «сестрички». У этой из черепа под косым углом торчит циркуль. Третья вообще неотличима от живого человека. Пока.

– Сдается мне, я тебя знаю, – задумчиво говорит первая. – Ладно, болт с тобой, проходи.

И мне выдают пайцзу в виде куска рельса. Таскать с собой лишние несколько кило металла – то еще удовольствие, скажу я вам, но выбора нет. Я должен буду сдать ее, покидая территорию банды, и береги меня Подземные Боги, если пайцзы у меня не окажется. Как я уже говорил, «шестеренки» в целом не беспредельничают, но любое существо, находящееся на их территории без разрешения, расценивают как интервента. Реакция следует соответствующая и незамедлительная.

Я успеваю сделать шагов тридцать, когда в спину мне летит новое «эй, мясо». Боюсь, девушка меня все же вспомнила. Пока размышляю, что будет разумнее: развернуться, или попробовать дать деру, над улицей проносится резкий свист и что-то, весело погромыхая по мостовой, подкатывается к моим ногам. Я опускаю голову и вижу голову. Вместо глаз у нее старый бинокль.

У профессиональных военных, бойцов или телохранителей реакция в таких ситуациях моментальная. А я стою и тупо размышляю, чем могло отхватить девчонке кумпол, что он отлетел аж на *такое* расстояние. И только когда за спиной раздаются крики, прихожу в себя. Теперь вопрос бежать, или не бежать, не стоит. Какое там бежать – я лечу! Не оглядываясь. И не только чтобы не терять времени, но и чтобы не увидеть происходящего позади. Сердце мне вещует, что я могу увидеть лишнее.

Далеко я не убежал. Из проулков неторопливо выдвигаются личности в масках, грамотно отсекая мне пути к бегству. Черт, так мы не договаривались... Драться с ними мне не с руки: во-первых, их больше, а во-вторых, боец из меня по местным меркам средненький, у меня другие таланты. Но нужно хотя бы попытаться прорвать кольцо.

Личности все так же неспеша приближаются. Руки их пусты, но это ни о чем не говорит. На *Дне* пустая рука может оказаться самым страшным оружием. О, проклятье, накаркал. Пальцы одного из нападающих начинают затейливую пляску. Я узнаю «Бездвижность», одну из малых мудр. Меня хотят взять живым?

Авторы романов в такие моменты обычно пишут что-то вроде «происходило все гораздо быстрее, чем я рассказываю». Авторы знают жизнь – происходящее заняло всего пару секунд. Но если вы думаете, что эти несколько секунд я стоял, разинув рот, то вы крупно ошибаетесь.

Хотя рот я действительно разинул. А также закрыл руками уши и прикрыл зажмуренные глаза локтями. Потому что сейчас сработает «хлопушка». Ба-бам! Эффект был столь силен, что я даже с опущенными веками увидел кости собственных предплечий. Светошумовые гранаты Поверхности не идут ни в какое сравнение с «хлопушкой», при изготовлении которой используются например, такие ингредиенты, как глаз феникса и астральная сущность шаровой молнии.

Полуоглушенный, я делаю рывок в сторону той самой фигуры, что пыталась меня обездвигить. Здесь бы очень пригодилась трость – ею так славно *сметать* с дороги врагов, особенно, если они беспомощны. Пробегая мимо нападавшего, не справляюсь с искушением влечь ему с разгона в телесный низ. Чтобы помнили. Это оказывается стратегической ошибкой. Кажется, мои противники, несмотря на человекоподобие, людьми не являются. Потому что нога вдруг проваливается в чужое тело и оказывается словно в тисках. Я успеваю заглянуть в ярко-оранжевые глаза без зрачка и подивиться замысловатой форме черепа, наводящей на мысли об игуанах.

Резкий поворот и я, завопив от боли, исполняю кульбит под названием «мордой в землю». Тут же сверху наваливаются, выкручивают руки и ноги. Кажется, меня собираются сложить в оригами. В рот запикивают что-то, напоминающее кусок смолы, надежно смыкающее мне челюсти.

Ба-бам! Ба-бам! Звучит почти так же здорово, как «хлопушка», а вот световые эффекты подкачали, всего пара скромных вспышек. Зато меня уже больше никто не держит. Титаническим усилием перекатываюсь на правый бок и в поле моего зрения попадает несколько тел, лежащих без признаков жизни. Оно и неудивительно – головы у тел отсутствуют. Я начинаю истерически хихикать. Ночь похитителей голов! Кто-то без усилий вздымает меня в воздух. Я вижу смутно знакомую рожу, и хрестоматийный «бандитский» голос спрашивает:

– Босс, этот?

– Развяжите его. Ну? – вполне дружелюбно говорит Снорли. – Я тебе говорил: иди к Старикау?

Ну да, кто же еще. Конечно, Снорли. А также компания бугаев с дробовиками.

– А я тебе говорил: иди ты к... – невежливо отвечаю я, когда удается выковырять изо рта вязкую гадость.

– Если бы мы не проходили мимо... – заводит «хвост».

Ну разумеется. Они проходили мимо. Совершенно случайно. Черт, да они же наверняка сами и подстроили эту засаду!

– И, заметь, нам еще предстоит как-то решать вопрос с «шестеренками», – подводит итог Снорли. Видимо, все это должно показать мне, насколько трепетно Барон ко мне относится, а я, неблагодарный... Азбука манипуляций, короче. Навязанное чувство вины. Интересно, Снорли действительно такой дурак, что думает меня этим купить? В Городе-под-городом на такое не ведутся даже дети, начиная от трех лет. Или он просто *обставляется*?

– В общем, ты идешь с нами к Барону. Он с нас шкуры спустит, если с тобой что-то случится... во всяком случае, *до* того, как он с тобой побеседует.

Последнее уточнение мне очень не понравилось. Но что-то мне подсказывало: даже если я сейчас пошлю этих славных ребят в самую глубь эпох, они не постесняются применить «физическое воздействие второй категории», и я все равно окажусь у Барона. А еще я думал, что гибель «шестеренок» запустит другие шестеренки. Шестеренки войны. Малолетние бандитки не простят убийства своих даже Барону. А значит, *Дно* на грани крупной заварухи.

Глава 9

По прозвищу Барон

*«Нет, не даст вам уснуть
Величайший игрок!
Смерть свою обмануть
Сможет Мистер Шок!»
Кня ZZ, «Мистер Шок»*

Что-то давно у нас не проявлялся принцип монеты, вам не кажется? И вот теперь я шествую по улице с таким конвоем, что мне не страшны даже демоны Ада. Не самая удачная фраза, учитывая, куда мы направляемся, но сейчас мне хотя бы можно не бояться внезапного нападения из засады. Вообще-то я не верю, что Барон меня банально пришьет. Во-первых, причин для этого вроде бы нет, а во-вторых – хотел бы, давно пришил, безо всех этих сложностей. С другой стороны, Барон – личность загадочная и противоречивая, никогда не знаешь, что этим баронам в голову придет.

Один из старейших и могущественнейших обитателей *Дна* занимает грандиозный особняк на площади Меркурия. Здание выглядит донельзя вульгарным, если не знать, что так и было задумано. Поговаривают, что основная его часть располагается ниже фундамента. При этом говорят, по большей части, о пыточных казематах. Ну, что я могу сказать, как человек, много времени проводивший в резиденции Барона: все правда. И пыточные казематы, и лаборатории – от наркопроизводств до генетических – и мастерские с арсеналами, и много чего еще. По сути, это гигантский подземный комплекс (если, конечно, на *Дне* применимо слово «подземный»), тут есть даже собственные фермы, чтобы в периоды кризиса не зависеть от поставок продовольствия.

Я не раз задумывался, почему Барон выбрал именно такой вариант базы. Да и зачем она ему вообще. Да, Старик возглавляет могущественнейшую организацию, но главную роль все же играет он. Барон – величина сам по себе. Подражая любимым персонажам криминального эпоса Поверхности, Барон не уповал только лишь на доброе слово и подкреплял его местными аналогами пистолетов. За несколько лет до моего первого визита в Город-под-городом «добрые слова» Барона настолько полюбились монетариям, что они, стакнувшись с огнеглавцами, решили прибегнуть к высшей мере социальной защиты и попытались взять поместье штурмом. Эта идея не вошла бы в топ-миллион лучших стартапов для бизнеса, даже учитывая, что атакующих поддержало радикальное крыло Метацерквы, а там попадают персонажи, кушающие богов на завтрак. Недели две бандитское логово держало осаду, ожесточенно отбиваясь от всех атак. Потом Барону надоела игра, и он **вышел** к своим горячим поклонникам. Что было дальше – не интересно. Отмечу лишь, что если до того некоторые монетарии вынуждены были в частном порядке отстегивать Синдикату определенную долю, то теперь они *поголовно* вносили в некоммерческий фонд имени Барона 15% от каждой сделки. «И это еще по-божески!», – глумливо говорил Барон, утробно подхрюкивая.

Огнеглавцам пришлось еще хуже, от некогда самой крупной на *Дне* диаспоры осталась хорошо если половина. Более или менее легко отделалась только Метацерковь: матушка Елена моментально открестилась от экстремистов и дала Барону в их отношении полный карт-бланш. Полагаю, излишне говорить, что больше тех экстремистов никто не видел, разве что в кошмарах. Примерно в то же время на *Дне* как-то само собой появилось расхожее словечко «отбаронить». Сами догайтесь, что оно означало.

Вообще-то я крепко подозреваю, что именно таков был изначальный план Елени: избавиться от набирающих силу радикалов руками Барона. Или, чем черт не шутит, руками своей заблудшей паствы – от старого разбойника, который и матушке порядком попил крови, – а потом добить оставшихся. Разделяй и властвуй, ага. Макиавелли здесь в почете, отсюда и вышел.

До резиденции Барона мы добираемся ровно за одну фазу, то есть примерно за час с третью. Сам убермафиози встречать меня, естественно, не выходит, и даже не потому, что не по чину. Любое передвижение сущностей такого масштаба вызывает колебания всевозможных полей, которыми насквозь пронизано *Дно*. Конечно, передвижение на 30-50 метров особого возмущения в полях не вызовет, но крупные игроки стараются свести перемещения к минимуму чисто по привычке.

На подступах к поместью нас перехватывают «копыта» – рядовые боевики синдиката. Досмотр физический, досмотр электронный, досмотр магический, магическое же сканирование. Меня даже показывают дежурному прекогнисту (сноска: прекогностика — предсказание будущего). Футуровидец – такой же крепыш в широкополой шляпе и черных очках, как и «копыта», – окидывает меня взором и, видимо, приходит к выводу, что в ближайшее время неприятностей от меня ожидать не стоит.

За воротами начинается второй этап проверки. Он не столь очевиден, но в действительности гораздо серьезнее. Согласно уличной мифологии Города-под-городом, Барон вместо камер и сканеров использует глаза Аргуса. *Настоящие* глаза Аргуса. И это опять-таки правда, что заставляет задуматься – а не слишком ли много знают на улицах о частной жизни иерархов Шеола и конкретно Барона. Впрочем, как сказал один мудрый человек, если один гражданин может чего-то не знать о властимущих, то все вместе знают абсолютно все. А улицы и есть квинтэссенция этих «всех вместе».

Мы входим во внутренний двор. Здесь все устроено в соответствии с внешним видом виллы: циклопический бассейн с визжащими девушками всех видов (присутствует даже парочка ундин, затеявших под водой женскую борьбу), сцена, на которой кривляются какие-то существа, отдаленно напоминающие людей, кругом огромные экраны, музыка льется ото всюду, вездесущие дервиши показывают свои волшебные картинки, рядом с бассейном – игровые столы (классическая рулетка, несколько вариантов карточных игр и чисто местные игрульки типа «фаройкумены», основанной на парадоксах пространственно-временного континуума, и о правилах которой рассказывать-то жутковато), а на дальнем краю большой, как футбольное поле, площадки кого-то деловито приносят в жертву. Праздник сердца, фестиваль души. Такая же бутафория, как и безвкусные позолоченные ангелочки на внешней лепнине (впрочем, как раз они, как я понимаю, являются проявлением изощренного чувства юмора Барона). Я частенько задумываюсь, а что на самом деле у него в голове? Безусловно, он и его «мальчики» много нахватились от людей, но они ведь не люди, у них совершенно иная логика. Что скрывается за всеми этими играми и масками?

Сейчас мы должны спуститься в подземную (три раза «ха!») резиденцию Барона, этакий бункер. Оглядываюсь, окидывая взглядом праздник жизни, и не могу отделаться от ощущения, что этот взгляд – последний. Очень мало существ способны похвастаться тем, что побывали в здешних подземельях и вернулись. Я бывал здесь много раз. Но что-то мне подсказывает, что сегодняшняя ситуация кардинально отличается от предыдущих. Совсем недавно я убеждал себя, что если бы Барон захотел меня убить, давно бы убил. И даже почти убедил. Но сейчас у меня внутри ворочается нехорошее такое, склизкое сомнение по имени «А что, если...».

Мой взгляд падает на бассейн. Синяя ундина взяла розовую на болевой, пытается сломать ей хвост. Захват мертвый, даже отсюда видно, но розовая не сдается и увесисто хлещет тем же хвостом противницу по физиономии. Никогда не сдавайся, так-то. Посмотрим еще, кто отсюда выйдет, а кто... Есть у меня пара домашних заготовок, способных удивить даже Барона.

Между тем ведут меня как-то странно. Волей-неволей начинаешь задумываться о семантической разнице между словами «конвой» и «эскорт». Складывается впечатление, что в данном случае мы имеем дело именно с эскортом: «копыта» вразвалочку идут *впереди* меня, и даже эта паскуда Снорли – тоже. Или это такой намек в духе «да куда ж ты денешься, родимый?». Именно в этот момент Снорли оборачивается.

– Почти пришли. Рекомендую не слишком явно демонстрировать свои чувства.

Вот те на, чем дальше, тем страньше. Учитывая глубочайшую приязнь, которую испытывает ко мне Снорли (при полной, замечу, взаимности), этакий реверанс в мой адрес выглядит, мягко говоря, неожиданно. Мало мне загадок было.

Приемная со времен моего последнего визита практически не изменилась, во всяком случае с виду. В стенах-то, наверняка, запрятано что-то новенькое, но видимость та же, что и была. Подчеркнуто деловой стиль, присутствует даже секретарша в строгом бизнес-сьюите. Все вообще на уровне, вплоть до узла волос, очков в тонкой оправе и кокетливо расстегнутой верхней пуговицы на блузке. Как будто кто-то открыл словарь на странице «стереотипная секретарша» и воплотил образ в жизнь. Общее впечатление немного портят алая пятнистая кожа и небольшие рожки в три ряда. Секретаршей у Барона работает саламандра. Она же – очередной круг обороны. Если такая дамочка хорошенько чихнет, от половины города размером с современный Лондон останется только мелкодисперсная зола. И, главное, убивать саламандру – себе дороже. После смерти они взрываются, и тут уже половиной Лондона не обойдется. Говорят, старые саламандры, чуя приближающийся конец, уходят умирать непосредственно на дно морское. Отсюда, кстати, всяческие землетрясения и прочие цунами.

Огонь – вообще страшная штука. Как, впрочем, и любая изначальная стихия. А тут мы имеем не просто огонь, но пламя Инферно. Самому-то Барону с его присными все эти фаершоу – что прохладный душ после жаркого денька. Там, откуда они прибыли, хорошим тоном считается принимать ванны из лавы. Из раздумий о природе огня меня выводит едва ли не командный окрик.

– Вам назначено?

Нда, опять отвлекся, никак не перейду в рабочий режим. Интересно, что ответит Снорли?

– Расслабься, Нелла, – отвечает Снорли. – Не видишь, кого мы боссу доставили?

Саламандра демонстративно приспускает очки.

– Человеческая особь, один экземпляр. Предположительно мужского пола. Так вам назначено?

– Назначено, назначено, – ворчит мой Вергилий уже раздраженно. – Открывай ворота.

«Предположительно мужского»... Ну я ж тебе, Неллочка! Несколько лет назад ты в моей мужественности отнюдь не сомневалась. Крутить амуры с саламандрой, доложу я вам, тот еще экстрим. Все равно что заниматься любовью с действующим вулканом: одна ошибка и через сотни лет ученые гадают, как кусок лавы мог принять такую забавную форму...

Проходя мимо саламандры, не сдерживаюсь и показываю ей язык. Она отвечает тем же. Ну... тут я проигрываю, конечно. И шагаю в раскрывшиеся ворота.

...которые, разумеется, никакие не ворота. Опять сплошная кажимость. Краткое ощущение вакуума вокруг, и вот мы уже стоим на расчерченном пентаграммами каменном полу Зала Раздумий. Здесь уже совсем иная эстетика. Ну, вы все это много раз видели в соответствующих фильмах. Мелкие чертенята, завывая, влекут нас к трону, на котором восседает – да, вы угадали – Барон, огненной персоной. Мои сопровождающие во главе со Снорли синхронно падают ниц, будто придавленные плитой – имеет взгляд Барона такое свойство, да и по протоколу положено. Я остаюсь стоять, горд и незыблем, не хватает только романтически развевающегося плаща. Герой против Чудовища, как в книжках прописано. Авторам тех книжек и невдомек, что в таких случаях всегда происходит встреча *двух* Чудовищ.

Я молчу – протокол-с. Но и Барон молчит, что, вообще-то, неправильно. Обстановка насквозь официальная, так что он должен спросить (рокошующим, непременно, гласом), какого, простите, черта, я, смертный, к нему заявился. Классика. Но Барон молчит. О, а это что за репа выкатывается вперед?

– Мес-с-ссир из-сволит интерес-соваться целью вашего виз-сита.

На вид – комок лохмотьев, даже глаз не разглядеть. Но на слух... Говорят, психически больные люди слышат голоса в голове. То, что доносилось из лохмотьев было голосом очень, очень серьезного заболевания. Краем глаза ухватываю рожу Снорли, по-прежнему валяющегося а-ля подстреленный матрас. С такой концентрированной ненавистью я не сталкивался давно, хоть по бутылкам разливай. И направлена эта ненависть в кои-то веки не на меня.

В целом картинка идиотская. Барон молчит, я молчу, «копыта» молчат, Снорли испепеляет взглядом лохмотыша – беспрецедентно молча. Лохмотыш молча же ждет моей реакции. Уверен, снаружи Нелла Саламандровна тоже *воды в рот набрала*, ха-ха. Я не свожу взгляда с Барона. Движение вверх-вверх-вниз, потом горизонтально, и наконец описанная окружность... А-га...

– Посланец Дома Грез к Его баронству, – и отвечаю в меру почтительный поклон. Дескать, вас уважаем, но и себе цену знаем. Если об этой моей эскападе станет известно в Доме Грез, наименее мучительной смертью для меня будет старое доброе китайское линчИ, «тысяча порезов».

Барон шевелится. Барон скрежещет. Барон простирает длань – если это можно назвать дланью.

– Мы приветствуем посланца могущественного Дома Грез. Какую весть принес ты нам?

– Сие поведать мне дозволено лишь Его баронству, – в тон отзываюсь я, периферийным зрением следя за обстановкой. А обстановка явно накаляется, куда там всем саламандрам мира. Лохмотыш разве что не подпрыгивает от распирающей ярости, Снорли держит каменную мину, но теперь его глаза светятся злорадством. Кажется, я избрал верную линию поведения.

– Мы просим посланца проследовать в Багровый кабинет, – Барон тяжело встает с трона. – Всем остальным – остаться здесь.

Последнее он добавил, когда лохмотыш наострил его сопровождать. Уже в спину Барона летит:

– Мес-с-сир, вы не можете...

Ой... Вот этого говорить не стоило. Вообще не самая лучшая идея сообщать сущностям такого масштаба, что они чего-то не могут, ибо вам тут же продемонстрируют, что очень даже могут, да еще наглядно объяснят, как именно. Барон медленно, очень медленно поворачивается и упирается взглядом в мелкое недоразумение.

– Я не могу?

Лохмотыш прямо на глазах уменьшается и укатывается куда-то за трон, в угол, бормоча нижайшие извинения. Странные дела творятся, истинно вам говорю. В былые времена за такую дерзость Барон бы расплавил на месте.

Багровый кабинет воистину багров. Кто-то может сказать, что такие изыски, в духе Святой Инквизиции, призваны подавить и запугать – ну и чтоб кровь не так бросалась в глаза. Но в данном случае это просто прихоть хозяина. Тут никого не мучают, тут *работают*. Рабочий стол Барона, за который он сейчас и усаживается, завален бумагами, из которых как бы прорастает – батюшки мои! – натуральный компьютер! Этого не может быть, потому что не может быть никогда. Электронные устройства *такой* сложности на *Дне* попросту не действуют, это вам не сканер на входе. Или баронский комп сродни моему ноутбуку? Ох, вряд ли...

– А ты молодец, – скрежещет Барон. Губы его шевелятся, но звук доносится из самого чрева, а чрево у гостеприимного хозяина на зависть. Вообще Барон внешне похож на самого

толстого в мире борца сумо, только малинового и рогатого. А еще у него на морде растут щупальца, как у какого-нибудь Ктулху. Эти-то щупальца нас сюда сейчас и привели.

– Молодец, – повторяет старый бандит. – Ничего не забыл, рога и копыта!

– Было бы чего забывать, – хмыкаю я. – Справа два раза вверх, затем вниз – опасность, кружок слева – обман, поперек – тайна. Если помнишь, изначально это была именно моя идея. Коды, конечно, примитивные, но ведь работает?

Щупальца Барона взлетают в восхищении, притворном, конечно же. Этот, с позволения сказать, язык глухонемых я разработал очень давно специально для Барона, обратив внимание на спорадические подергивания отростков на его физиономии. Где-то с год Барон учился управлять щупальцами, зато результат стоил потраченного времени. Теперь наш капо может изъясняться так, что непосвященным даже в голову не придет, что он собственно изъясняется. В общем-то, идея не нова: губы произносят одно, язык тела говорит другое. Я, кстати, и собственный язык тела жестко контролирую и при случае даже могу при помощи него обманывать. Правда, работает это только с людьми.

– Что это за чучело? – спрашиваю, заранее понимая, что чучело ох какое непростое.

– Зачем ты вернулся? – чуть ли не в унисон говорит Барон, начисто игнорируя мой вопрос.

– Я тебе все расскажу. Но это долго, скажи сперва, что это было, в зале? Какого вообще черта?

Барон дергается.

– Ты б еще *того* помянул, – тычет когтем в потолок. – Все-таки подзабыл кое-что, а? А в зале... Скажем так, ты имел честь познакомиться с моим особо доверенным советником Валузассом.

«Латыш?» – чуть не бухаю я, но вместо этого иронически поднимаю бровь.

– Советником? Не уважаешь ты меня, Твое баронство. За дурачка держишь. Зря я к тебе пришел, похоже.

– Ты пришел? – шурит Барон свои многочисленные глаза. – Или тебя привели? Не бери на себя слишком много, сынок. Хребет не выдержит. А что до советника... Большого я тебе сейчас сказать не могу.

– Даже здесь?

– Особенно здесь, – подчеркивает мой собеседник.

Вот это уже по-настоящему пугает. Багровый кабинет – одно из самых защищенных мест в этой реальности. Защищенных *от всего*. Лично я подозреваю, что именно в Кабинете таится самое центр силы Барона. Фактически он здесь неуязвим и бессмертен, а уж о том, чтобы подслушать то, что здесь говорят, и говорить нечего, извините за тавтологию. Что за силы пришли в движение? Что вообще происходит?! И, главное, могу ли я теперь рассказать Барону о том, что мне нужно? Выбора, впрочем, особо нет, остается верить, что вопросы, не касающиеся «советника Валузасса», все же останутся между нами. В общем, я рассказал Барону все. На этот раз действительно все.

Глава 10

Рыцарь и дракон

«В глубокой шахте который год

Таится чудище-змея»

«Воля и разум», гр. «Ария»

И вновь я иду по улицам Города-под-городом, глаза на суккубов и размышляя, как так получилось, что ни одного вопроса еще не решено, а обязательств опять прибавилось. Барон в помощи не отказал, о нет! Но традиционно потребовал плату – не потому, что он такой сквалыга, просто таковы правила. Он бы и с собственных детей содрал три шкуры за помощь. Собственно, однажды он так и поступил. Буквально. А меня наладил в квест, потенциально куда более опасный, чем моя основная задача здесь. «Мадам, клиент хочет странного». Барону нужна одна вещь, которая на самом деле не вещь, но в действительности никто не знает, вещь она, или не вещь. Задача «со звездочкой», понимаете как хотите. Зато если я эту вещь, которая не вещь, найду (три раза «ха!»), будет мне всесторонняя поддержка и вообще глобальное счастье. А с поддержкой Барона и его «красных дьяволят» нельзя не считаться. Проблема в том, что я – как, между прочим, и сам Барон – ни малейшего представления не имею, что такое Колыбельная Князя Демонов и с чем ее едят. Каноническому Федоту-стрельцу и то проще было, при его-то супруге и ее подручных. Пора и мне прибегнуть к помощи сторонних специалистов, делегировать, так сказать, полномочия.

Помимо новой миссии, Барон одарил меня и некоторыми интересными сведениями. Например, о необъяснимо возросшей активности неживых. Да и Синкельса, по словам главы Синдиката, что-то зашевелились. Обычно-то эти фанатики стараются не слишком высовываться, а в последнее время выпустили на улицы *Дна* целую армию безумных пророков, вещающих о Часе Мазиака. А еще оказалось, что Щелкуна из зоны перехода никто не убирал. Та мазутная тварь там просто *завелась*, и о судьбе бедного Капитана теперь можно только догадываться. Сердце мне вещует, что вряд ли он пьет джюс, лежа в шезлонге где-нибудь на Канарах. Представляю себе шезлонг для Щелкуна и непроизвольно улыбаюсь. Суккубы и прочие искусители ошибочно принимают улыбку на свой счет и стаей летят ко мне. Приходится спасаться бегством.

Путь мой лежит на сей раз в райончик под названием Нора, где обитает еще один мой старинный знакомец. Район не то чтобы престижный, хотя до Пазузария в плане рисков ему далеко. В любом случае, я уверен, что за мной следуют несколько хранителей, только не ангелов, а скорее наоборот. Слежки я при этом не ощущаю, но на то они и хранители, они проявят себя лишь в критический момент. Оторвавшись от похотливых демонов, транзитом пересекаю Венерину Мухоловку, и Тоттен (хвала всем силам, безо всяких «критических моментов»), и выхожу на улицу Личинок – своеобразного предместья Норы. Нужная мне дверь ведет под землю, местные жители не очень жалуют поверхность – и это на *Дне*. Стучу... а дома никого. Сюрприз! Вполголоса выругавшись, я вспоминаю, что после Ночи бледных монахов на Манеже Луна всегда устраиваются представления – для тех, кто выжил. Скорее всего, мой приятель сейчас именно там, то есть ковылять мне обратно в центр, уж таково мое фирменное везение. Впрочем, кое-что интересное по дороге я все же заметил, и это были не только адепты Синкельсы.

Манеж Луна – стандартный, в целом, развлекательный комплекс, мало чем отличающийся от того, что можно встретить в каждом более или менее крупном городе *Поверхности*. Но это снаружи. Мероприятия, что проводятся в стенах Манежа, для людей страны и пугающи. Хотя, вероятно, некий древнеримский император, носящий гламурное прозвище Сапо-

жок, чувствовал бы себя в Манеже как пресловутая рыба в пресловутой же воде. Но и он вряд ли бы смог оценить такие аттракционы как Подсознательные гонки или Калейдоскоп реальностей. В последнем я от большого ума один раз поучаствовал, так *гостей* из моей головы изгнали пару месяцев, и я до сих пор не уверен, что изгнали всех.

Перед Манежем толпится местный народ, где-то – в относительно упорядоченных очередях, но большей частью – в перманентном хаотичном движении. Со стороны все это напоминает кипение разнородного варева в огромной кастрюле. Но у меня перед остальными потенциальными зрителями есть серьезное преимущество – пайцца Барона, выданная напоследок как бы в задаток. Благодаря ей я без особых сложностей (трудно было только протолкаться сквозь бушующую толпу) проникаю внутрь. Местные секьюрити, похожие на крылатых горилл, лишь уважительно почмокали губищами и даже соизволили лично провести меня в отдельную ложу, принадлежащую Синдикату. Интересно, кто сюда ходит, не сам же Барон? Сейчас, во всяком случае, ложа пуста, и я могу расположиться с максимальным комфортом.

Плюхнувшись на диван, предназначенный для гуманоидов, я начинаю жадно поглощать яства с расписного столика, стоящего рядом. Это очень кстати, с утра я успел проголодаться. И немного старой доброй асомы, исключительно чтобы не жрать всухомятку. Асома мозги не туманит, но перебирать с ней все же не стоит - питье тонизирующее и может тонизировать так, что сутки будешь воспринимать реальность как бы в замедленном темпе, а это опасно. Особенно для меня.

Из ложи открывается вид на главную арену, где в данный момент завершаются выступления духов-гипнотизеров. По краям уже толкуются служители, чтобы убрать с арены трупы и подготовить плацдарм для следующего номера. Я бы и рад его посмотреть, но мне нужно искать своего знакомого. Арена велика, ряды зрителей - еще больше, и обладай я лишь человеческим зрением, мне никогда не удалось бы разглядеть искомый объект в толпе. Но на этот случай у нас есть очередная линза, называемая «Фокус». Небольшая настройка, и я буквально пронзаю взлядом амфитеатр, последовательно оглядывая ряд за рядом. «А глаз как у орла!». Но толку от этого никакого, моего приятеля среди алчущей хлеба и зрелищ массы нет, что очень и очень странно.

Арену меж тем засыпали песком и оградил тройными решетками. Кажется, следующим пунктом повестки будут гладиаторские бои. Освещение гаснет, лишь несколько огромных хрустальных линз, висящих под потолком, бросают пятна света на площадку. О, а вот и бойцы! Под чудовищные жужжащие-визжащие звуки появляется фантастическое даже по меркам *Дна* существо. Очертания его, в целом, антропоморфные, несколько размазаны. Кажется, что при движении существо оставляет в воздухе некий шлейф. Из-под купола раздается громоподобное:

– За честь своего клана будет сражаться Агломерат Четырнадцатый!

А, вот в чем дело. Видимо, это какой-то коллективный разум со многими мелкими носителями. Его противнику не позавидуешь – как победить существо, которое можно в самом прямом смысле расчленить на тысячу частей, но оно от этого никак не пострадает? Жаль, я не успел сделать ставку, можно было бы подзаработать. А вот и второй участник. Переваливаясь на кривых мускулистых лапах, на арену выходит прямоходящий крокодил. Или, скорее, варан – для крокодила у него слишком короткое рыло. Пожалуй, я все-таки успею поставить. Даешь кровь и песок!

Быстренько выглядываю в коридор и предъявляю топчущемуся там летучему гамадрилу пайцзу. Пара слов, позвякивающий мешочек переходит из рук в лапы и – вуаля! Я даже успеваю на представление второго бойца.

– За приз будет сражаться любимец публики, непобежденный доселе Виртру! Это полуфинал, почтенные существа и сущности!

Виртру... Вон оно как. Из середины арены вырывается язык разноцветного пламени – сигнал к началу. Агломерат плавно потек к сопернику, тот, гораздо более неуклюже, двинулся навстречу. На дистанции удара ящер с неожиданной ловкостью крутанулся вокруг своей оси и массивным хвостом буквально разрубил Агломерат пополам. Но, как я и думал, коллективный разум моментально вновь объединил свои частицы. Ход за ним. Агломерат превратился в жужащее облако и практически полностью облепил ящера. Тот размахивает когтями – каждый с человеческий палец, – клацает зубами, кружится на месте, но все тщетно. Сейчас его попросту удушат, частицы Агломерата настойчиво пытаются проникнуть во все естественные отверстия, и ящер уже воеет от безысходности.

Мне становится интересно, из чего же состоит Агломерат, и я вновь вытаскиваю «Фокус». Как любопытно! Это вовсе не колония насекомых, как я предполагал, но сонм неких человекоподобных существ с крылышками, будто вырезанными из тени. Этакие феечки-нуар. Каково-то им в пасти и... гм... *других* естественных отверстиях рептилоида? Последний оказался не так прост: свернувшись клубочком на манер панголина, он с шокирующей скоростью выкатывается из облака феечек. Кажется, часть их даже вспыхнула от трения. Публика, как ей и положено, беснуется. Я уже говорил, что *донники* не так уж отличаются от людей? Те же, по сути, реп-тильные страсти, извините за каламбур. Сейчас они восхищаются находчивостью ящера, но это все полумеры – он не сможет бесконечно уклоняться от облака. И когда феечки его добьют, та же публика будет так же бесноваться, смакуя его смерть. Рептилоид, впрочем, придерживается другого мнения. Еще больше нарастив скорость, он, все так же клубочком, начинает кружить вокруг Агломерата, сужая спираль. Ящера уже фактически не видно, он двигается быстрее, чем успевает уследить глаз. Соник-суперёжик, ха! Колония начинает метаться, похоже запредельно быстрое ящернадо начало высасывать вокруг нее воздух. Ну да, часть феечек уже осыпается на песок, остальное – дело времени. И тут ящер выдал трюк. Прямо с раската он пружинисто – куда и подевалась вся неловкость – прынул в воздух, перевернулся, что твой гимнаст, и встал четко на задние лапы. А передние приложил к пасти рупором. Ф-ф-ф-ф-фух! Поток пламени испепелил Агломерата целиком. Scorpion wins! Fatality!

Зрители замирают на мгновение и взрываются в натуральной уже истерике, и я их понимаю. Восторг, чистый восторг. Этот ящер – прирожденный шоумен, умеет дать публике то, что она хочет. А что шоу стоило жизни целой колонии ни в чем, возможно, не повинных существ, так этому особому значению здесь никогда не придавали. Впрочем, как и на Земле. Опять же, доведись победить Агломерату, сильно сомневаюсь, что он пощадил бы противника. Даже если и захотел бы, ему бы не позволили те же самые восхищенные зрители. Vox populi – vox dei, однако.

Бой был интересный, но финал зрителям покажут только на следующий день, так что я вполне могу удалиться, прихватив по пути выигрыш. И стопы свои я направлю в подвальные помещения Манежа, где находится много чего интересного: сюда сваливают реквизит, здесь же располагается аппаратура механическая и магическая, вольеры со всевозможными животными, казармы бойцов, напоминающие, скорее, номера дорого отеля. А на нижних ярусах подвала, по слухам, до сих пор бродит неуспокоенный дух основателя Манежа Луна. Местные гладиаторы считают хорошей приметой оставить перед боем в подвале кусочек собственной плоти (если она вообще у гладиатора есть), как бы в жертву. Дикий народ.

Я пробираюсь захлавленными коридорами, всерьез молясь духу основателя, чтобы не переломать себе конечности. Дикий народ, нда... Едва не свалив какой-то диковинный агрегат, сворачиваю в очередное ответвление и – вот оно! Скромная на вид дверь без каких-либо опознавательных надписей. Естественно, закрытая. Не все двери открывает пайцца Барона, но мне известен один секрет. Пробегаю пальцами по косяку, здесь нажать, тут три раза стукнуть и подумать об обитателе задверья. Ловлю себя на дежа вю: совсем недавно я почти так же

пытался проникнуть в зону *перехода*. Все, дело сделано. Хозяин апартаментов знает о моем присутствии и знает, что я пришел с добрыми намерениями. Из-за двери доносится:

– Пришедший может войти.

Дверь распахивается, и я шагаю через порог – весьма осторожно, кто знает, какие тут могут быть сюрпризы.

– Ну здорово, Плискин!

– Человек не запутает Змея, – невозмутимо отвечает тот, к кому я пришел. – Змей уже ознакомился с этой синематографией.

Прямо посреди комнаты стоит огромный булькающий котел, и в нем *размокает* мой старинный приятель, над водой (водой ли?) торчит только ухмыляющаяся морда. Я чувствую, как моя собственная физиономия расплывается в улыбке, для разнообразия искренней. Я и в самом деле рад видеть Змея после стольких лет. Не считать же свиданием недавнее...

– Не знал, что ты умеешь дышать огнем, Чингачгук.

– Змей тоже не знал, что умеет дышать огнем. Возможно, это связано с тем, что Змей не умеет дышать огнем.

– Но как же...

– Змей не умеет дышать огнем, зато Змей любит фокусы.

– Ты... Ты чистер, вот ты кто! – восклицаю я, расхохотавшись.

– Змей не знает такого слова. Зато Змей знает, что опять победил.

Из котла медленно вздымается чешуйчатая, гипертрофированно мускулистая туша. Змей прыгивает на пол, когти клацают по камню. Мой друг манит меня пальцем, указывая на стоящий в углу столик, уставленный флаконами и баночками разных размеров, прямо как в будуаре следящей за собой красотки.

– Человек смотрит. Вот полироль для чешуи. Вот воск для когтей. Вот дезинсекталь от мелких насекомых. А вот – алхимический жидкий огонь.

Змей берет что-то со стола.

– А вот это – огниво с *Поверхности*.

Я смотрю на когтистую ладонь. В ней лежит зажигалка Zippo, которую я подарил Змею много лет назад.

Интересно, как Змей умудряется пользоваться зажигалкой – при таких-то когтищах? Мы не торопясь фланируем по направлению к Норе и ведем неспешную же беседу. Иногда на улице это безопаснее.

– Я искал тебя среди зрителей, не думал, что ты будешь выступать.

– Дело Змея – выходить на арену, – пожимает плечами мой друг.

– А дезинсекталь тебе зачем? Блохи замучали?

– Человек смеется, – отмечает Змей. – Это хорошо. Но человек пришел к Змею. Значит, человеку плохо.

– Нет, ты действительно индейский вождь! И шаман на полставки, ни слова в простоте!

– Змей объяснит. Но человек тоже должен объяснить. Дезинсекталь – на врага.

– Объяснил лучше не бывает, – кривлюсь я. – Все стало кристально ясно.

– Агломерат.

– Что? Это же не насекомые были, я специально посмотрел. Пикси, феи, что-то в этом роде.

– А человек думал, феи – они кто есть? – Змей ухмыляется. – Фея летает, фея роится, у феи шесть ног и много глаз. Кто фея есть?

Шести ног и многих глаз я, признаться, не разглядел даже в «Фокус». Но теперь многое становится понятным.

– То есть ты их этой дрянью траванул? А чего ж выд, когда они тебя облепили? У меня от твоих обертонов чуть сера из ушей не потекла.

Мы перепрыгиваем неглубокую канаву, на дне которой что-то бормочет. Вообще в Тоттене наблюдается какая-то нездоровая активность: что-то роют, что-то строят. Искоса смотрю на Змея. Он явно обдумывает ответ.

– Фокус. Трюк. Замысел. Змей не знает, как нужно объяснить.

– А! Теперь понял. Тактика. Обманный маневр!

– Змей запомнит слова.

По пути мы приобретаем кувшин какого-то пойла и в скором времени достигаем дверей Змеева жилища. Мой друг проводит небольшой ритуал, не имеющий, как он мне объяснял когда-то, ни малейшего отношения к магии и противоядовским уловкам, но долженствующий продемонстрировать уважение к крову. А мне придется снять ботинки, дабы не осквернить.

Дом Змея – архетипическое обиталище гладиатора с уклоном в ориентализм. На полах циновки, по стенам развешано всевозможное оружие, вплоть до боевых кинетических молотов и нагинат с лезвием из сверхкомпримированного лунного света, у дальней от входа стены на специальной подставке покачивается золотисто-багровый гонг. По нему как раз Змей и выступает некую мелодию, предварительно капнув собственной крови, в результате чего в полу открывается проход. Мы довольно долго спускаемся вниз по тоннелю и упираемся, наконец, в здоровенный – два человеческих роста – люк. Змей начинает раскачиваться и шипеть, причем, кажется, на разных звуковых частотах. Люк, словно подумав и все взвесив, нехотя уходит в стену, открывая истинное логово Змея. То, что наверху – чистая бутафория, на дурачка. Дурачки на *Дне* долго не живут, поэтому любой несанкционированный посетитель Змеева дома в первую очередь будет искать тайный проход в тоннель. И, будьте уверены, он его найдет. Вот только если не отстучать в гонг нужную мелодию, проход приведет не к люку, а не хочется даже думать куда. Во всяком случае, Барон, как-то пославший своих мальчиков проверить, чем в действительности живет Змей, когда заходила речь об их дальнейшей судьбе, сразу насупленно замолчал. Именно после того случая Змей начал лепить образ гладиатора – и оказался в этом деле настолько хорош, что ширма едва не стала реальностью. Но все же не стала. В действительности мой друг жил тем, что торговал информацией.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.